

Светлана Бестужева-Лада

Государыня- правительница

Альтернативная история

Светлана Бестужева-Лада

Государыня-правительница

«Издательские решения»

Бестужева-Лада С. И.

Государыня-правительница / С. И. Бестужева-Лада —
«Издательские решения»,

Императору Петру Великому удалось прожить еще несколько лет благодаря своевременной медицинской помощи. Дочь Елизавета вышла замуж за французского короля Людовика Пятнадцатого. Отныне Франция — главный союзник России в Европе. Дочь Анна выдана за герцога Голштинского. При поддержке Петра Великого и его дипломатов герцога приглашают на шведский трон. Анна Петровна становится шведской королевой и матерью наследника шведского престола. Политическая карта Европы меняется до неузнаваемости.

Содержание

Глава первая. Брачные планы	6
Глава вторая. Завещание Петра	17
Глава третья. Прекрасная Франция	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Государыня-правительница
Альтернативная история
Светлана Игоревна Бестужева-Лада

© Светлана Игоревна Бестужева-Лада, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава первая. Брачные планы

В дверь осторожно постучали.

Великий государь всея Руси император Пётр Алексеевич досадливо поморщился и выругался сквозь зубы. Небось, опять сыночек богоданный Алешка приволокся: будет проситься со своей девкой в деревню отъехать. Отпустить его, что ли? Или придержать — неизвестно, чем он в деревне-то будет заниматься и кто ему в уши дудеть всякое-разное станет...

Пётр резко встряхнул головой. Да что с ним такое? Алексей, царствие ему небесное, уже три года как на том свете грехи свои замаливает, а сожительница его родила девку и в родах скончалась.

Забыл... Много забывать стал в последнее время, не к добру это, ох, не к добру. Старость подходит, чего уж себя обманывать, а что дальше с державой будет?

Сердечный друг Катеринушка, теперь уже супруга законная, императрица российская, урожденная графиня Скавронская (а кто иное вякнет или даже подумает — горько о сем пожалеет) ежегодно деток приносит. Да не живут детки... Долгожданный сын — Пётр — в четыре года скончался, а до того времени не ходил и не говорил. А второго сына — Павла, родившегося через два года после Петра, вообще через сутки прибрал...

Хотя специальным манифестом младенец Петр Петрович был провозглашен наследником престола (с отстранением от прав на оный старшего сына — Алексея) и «наследственным благороднейшим государем-царевичем Петром Петровичем». Не дал Бог долгих лет жизни.

На кого державу оставлять?

Стук повторился.

Похоже, светлейший князь-пирожник Александр Данилович с каким-нибудь прожектом пожаловать изволил. После того, как женился на старомосковской боярышне Дарье Арсеньевой, на него уже не так косились Рюриковичи да Гедиминовичи в обеих столицах. Вот Алесашка и возомнил о себе невесть что. Ладно, послушаем. Либо дельное скажет, либо будет на кого рывкнуть, а настроение с самого утра к этому располагало.

— Кто там еще? — гаркнул Пётр.

Дверь приоткрылась и появилась сухопарая фигура неизменного секретаря и помощника — Акима Маслова. Приблизил его Пётр за ум, способность к языкам иностранным и молчаливость великую. Говорил секретарь мало, лишь когда без этого обойтись было никак невозможно, запоминал все до капелюшечки, а полезнее его в делах дипломатических, почитай, никого и не было. Все знал Аким — кто на ком женат, кто с кем породниться собирается, а кто на кого войну готовит.

Лоб Петра разгладился, усы перестали топорщиться. Без дела и без зова Аким никогда бы не пришел, а раз уж решился нарушить государево уединение — значит, причина сему была — наиважнейшая.

— С чем пришел, Аким? — отрывисто, как всегда, осведомился Пётр.

— Государь, — тихо произнес секретарь, — ведомо мне стало, что французский посланник господин Кампердон уже до Котлина добрался и там отдыхает после бури изрядной, что во время его плаванья приключилась. Какой церемониал для встречи приготовить прикажешь?

Пётр, не отвечая, глядел в окно. Октябрьский день выдался погожим, хотя ветер дул изрядный, ну да не привыкать же. Церемониал... Будет послу французскому и церемониал по всем правилам, но... со временем. Может, само Провидение привело его на остров-крепость, подальше от посторонних глаз и ушей. Дела-то с Францией — дела важнейшие, брачные. И от дел сих — ох как много зависит.

– А церемониал пока будет такой, – резко повернулся к секретарю Пётр. – Прикажи сей момент какое-никакое судно приготовить. Пробежимся с тобой до Кронштадта... проветримся.

Секретарь поклонился и вышел. За что его и жаловал – ни одного лишнего слова, никаких вопросов: все понял, все исполнит в лучшем виде. И умничать не станет, хотя, видит Бог, умен, ох умен! Небось уже все варианты про себя просчитал, моментом постиг государев замысел. Чин ему, что ли, дать? Хотя и не заикается Аким о том, что придворные презирают его за худородность, но ведь наверняка – задевает самолюбие-то.

Вот решатся дела с французами – получит Аким и титул, и деревеньку, и деньгами немало. Столько, сколько он для осуществление любимого проекта Петра сделал, никто не делал. А подобное рвение поощрять надо: не о себе человек печется, о благе государства российского, да о пользе своего государя.

Пётр вспомнил, как четыре года тому назад, будучи во Франции, поднял на руки малютку-короля Людовика XV и возгласил:

– Вся Франция в руках моих!

Думал – пошутил изрядно, а шутка сия французским аристократам не по вкусу пришлась. Они в то время только-только разобрались с военными делами – воевали, почитай, со всей Европой за испанский трон для французского принца, с трудом своего добились, кое-как замирились с Австрией, а тут – непонятная Россия, успевшая разбить непобедимого шведского короля и изрядно насолить туркам. К тому же наследник престола русского был женат на австрийской кронпринцессе... Правда, принцесса волею Божией во вторых родах скончалась, но родство-то все равно осталось. А теперь что же – Францию к рукам прибрать вздумалось?

Петру же вздумалось сосватать младшенькую свою, Лизоньку, за «христианнейшего короля». Нужды нет, что невеста еще дитя малое – жених ей ровесник, а браки меж высоких особ порой и в колыбелях заключаются. А Лизонька – уже видно – красавицей будет. Придется, конечно, веру поменять, так ему, Петру, это не в обиду. Зато какие родственники будут – Бурбоны!

Регент, высокий принц Филипп Орлеанский, мечту государеву тогда на лету подхватил и всячески показывал, что такая принцесса, как русская, честь для французского королевского дома. Да и пора свежую кровь вливать в монаршьи жилы: Людовик XIV хотя бы сам здоров был, его родители в кровном родстве не состояли. А женился на кузине испанской – и пошло-поехало. За полвека перемерло все потомство короля-Солнца, один только малолетний Людовик XV, правнук, и уцелел. Хотя мальчонка хилый, болезненный... А Лизонька-то – кровь с молоком, отродясь ничем не болела.

Пётр отъехал тогда в Россию с твердой уверенностью: сему брачному альянсу быть! И тут же повелел обучать принцессу Елизавету прежде всего французскому языку и наитончайшему придворному обхождению. Лучшего учителя танцев ей выписал. А науками – не отягощать, сего будущей королеве Франции не надобно. Там главное – политес, да продолжение рода.

И вдруг – как гром среди ясного неба: известие о том, что ко французскому двору прибыла испанская инфанта, ребенок семилетний. И будто бы эту инфанту собираются обвенчать с королем, для чего и привезли во Францию.

Сколько дипломатических ухищрений было затрачено, чтобы выяснить: придумала эту интригу фаворитка герцога Орлеанского, мадам де Фалари, которая вертела регентом, как хотела, и мечтала, чтобы ее любовник стал настоящим французским королем. А сколько золота, мехов и драгоценностей потребовалось, чтобы убедить сию мадamu переменить мнение и пожелать в невесты Людовику русскую принцессу! К тому же Лизоньке уже одиннадцать

исполнилось, а по виду можно было все шестнадцать дать. Портрет ее вместе с очередным подарком мадам де Фалери был три месяца тому назад отправлен во Францию...

И вот – прибыл французский посланник. Ясно, для чего: хотели бы отказать, не стали бы снаряжать посольство. Версаль весьма высокомерен, мог и вовсе не отозваться.

На палубе шлюпа, шедшего на веслах по причине встречного ветра, Пётр пришел и вовсе в доброе расположение духа. Он даже позволил себе мысленно рассмотреть и другие варианты Лизонькиного брака. Например, выдать ее за одного из принцев королевского французского дома. У того же регента, кажется, есть сын, тоже Людовик, как и король. Юноше семнадцать лет, вполне созрел для брака, коль скоро любящий отец недавно сделал его главнокомандующим всеми пехотными войсками Франции...

Между прочим, у высокого господина регента, кажется, и дочери есть. Одной семь лет, другой шесть. По возрасту вполне подходят для внука, сына Алешкиного, Петра. Ведь ему придется престол-то передавать, значит, и осупружить должно с иностранной принцессой. С Австрией не заладилось, может быть, с Францией больше повезет...

А главное, нужно раз и навсегда покончить с обычаем этим замшелым, дедовским: жениться российским государям на девицах из знатных российских же родов. Ни к чему хорошему это не приводит, только грызня между знатью сильнее становится... А уж мечты Алексашки, дружка закадычного, и вовсе пагубны. Думает, не ведомо ему, Петру, что спит Данилыч и видит, как бы сыночка своего с принцессой Натальей Алексеевной, внучкой единственной, обручить, или, того паче – одну из своих дочек Петьке-сосунку подсунуть. Царевым тестем стать возжелал, ишь ты! Палки давно не пробовал...

– Аким! – гаркнул Пётр, легко перекрывая свист ветра в парусах и плеск волн. – Где ты есть?

– Тут я, государь, – тут же отозвался секретарь.

– Вернемся во дворец, указ напишешь. И тут же его мне на апробацию принесешь. Уразумел?

– О чем повелишь указ писать, государь?

Пётр фыркнул, но не зло, а весело. Так привык, что секретарь его с полуслова понимает, что даже полуслова ему не сказал. А тот хоть и семи пядей во лбу, но мысли царские, только что в голову государеву пришедшие, читать еще не научился.

– О том, чтобы впредь персоны царского дома сочетались браком только с равными персонами. Сиречь – с девицами и мужами из королевских или герцогских иноземных семей. В ином случае право на наследование трона теряется. Теперь уразумел?

– Уразумел, государь. Но разве девицы...?

– Да, да, да, желаю, чтобы и персоны женского рода равное право с мужчинами на престол имели, ежели принцессами рождены! Как в Англии чтобы. Там все едино – баба или мужик: кто первый родился, тот и на трон уселся.

Секретарь склонился в поклоне и удалился. Вступать в спор с Петром Алексеевичем – себе дороже. Тем паче, что все мысли его заняты сейчас только устройством брака младшей дочери, любимицы Лизоньки. Хотя... и старшей, Анне, жениха нужно будет достойного сыскать, и внукам, деткам несчастного цесаревича Алексея, сироткам. Хорошо хоть племянниц своих государь разумно пристроил: одну за герцога Мекленбургского выдал, вторую – за герцога Курляндского. Как иноземные дипломаты говорят: прецедент есть. Да и цесаревич Алексей был женат на австрийской принцессе, жаль, тоже померла, царствие ей небесное...

А всего-то полгода тому назад все могло совсем по-иному обернуться. Увидел государь княжну молдаванскую, Марию Кантемир – и влюбился. Вот уж точно – седина в бороде... Так влюбился, что начал планы строить, как бы от Екатерины отделаться, да с молодой красавицей под венец стать. И то сказать – Мария не только княжеских кровей, родство свое от Палеологов

да самого Тамерлана считает, умна, ох, умна – то ли на пяти, то ли на шести языках говорит и читает.

Князь-отец Кантемир на грех дочери глаза закрыл: станет Мария императрицей – Молдавия вновь под его скипетр вернется. А уж ежели родит императору здорового наследника... И ведь ползли уже слухи, что и впрямь непраздна княжна: сына ожидает.

Пока только слухи. А ежели и вправду? Тогда – Екатерину на плаху, дочерей – в изгнание или, хуже того, в монастырь. Забывает государь, что здоровье у него уже не то, что замахивается-то по-прежнему круто, да на большее уже не всегда сил хватает...

Аким успел только набросать черновик указа, когда крики снаружи оповестили его, что шлюп благополучно добрался до Котлина. Глядя на берег острова, трудно было предположить, что еще полтора десятка лет назад тут вообще ничего не было, кроме не слишком густого леса, да камней.

То-то удивились шведы, обнаружив весной в своем собственном заливе невесть откуда возникшую крепость, отныне закрывшую им подход к Невской губе.

Крепость же, названную Кроншлот освятили и стали обустраивать далее. Итальянский архитектор Доминико Трезини постарался на славу: помимо крепостных сооружений был возведен трёхэтажный царский дворец (который Пётр недолюбливал) и Итальянский дворец для светлейшего князя Меншикова (куда же без Алексашки-то!). В Кроншлот на постоянное место жительства переселяли дворян, купцов с семьями и многочисленных работных людей.

Роптали, конечно, но ехали: чай, не в Сибирь ссылают, а царской воле перечесть – себе дороже. Потом, правда, смекнули, что на острове жить даже спокойнее: наводнения его не затрагивают, государь со своими причудами не слишком достает, а вот торговать с иностранцами всякой мелочью очень даже удобно. Петра же радовало совсем другое: крепость-остров оказалась столь удачно расположенной, что мимо нее более не могло пройти ни одно неприятельское судно.

Господина Кампердона застали врасплох: он приходил в себя после тяжелого перехода по морю в самом чистом домике Кронштадта – жилище священника. Как раз собирались подать высокому гостю с превеликим трудом изготовленное заморское питье – кофий, как дверь распахнулась и на пороге, задевая головой притолоку, выросла фигура самого государя.

Господин Кампердон дрожащими руками застегивал камзол и пытался одновременно встать, надеть парик и достойно поклониться.

– Да сиди уж! – добродушно усмехнулся Петр. – Аким, перетолмачь господину посланнику, чтобы не пужался, с добром я, хоть и незванный. А потом распорядись, чтобы подали нам водки, да закуски доброй – для разговора.

Французский посланник, уже бывавший до этого в России и немного знакомый с государем и его повадками, и без перевода заметно успокоился. А потому счел себя вправе высказать русскому суверену свои искренние чувства уважения, преданности и прочие положенные этикетом словосочетания. Говорил он по-немецки, медленно, но достаточно правильно, так что Петру не составило особого труда поддерживать беседу и без переводчика.

– Ну, добро пожаловать в Россию, господин посланник, – провозгласил Пётр, поднимая первую рюмку. – Думаю, ради удачного альянса между нашими державами прибыли?

– На все воля Божия, Ваше величество, – дипломатично ответил посланник. – Мне же поручено на сей раз вести переговоры о браке наихристианнейшего короля Людовика...

– Понял уже! – не слишком вежливо прервал его Пётр. – Так согласен твой король со мной породниться? Или все-таки решил с испанской пигалицей осупружиться?

– Его величество король Людовик отсылают ее высочество инфанту обратно в Испанию, – помедлив, сообщил Кампердон. – Принцесса награждена всеми добродетелями и достойна стать супругой монарха, но возраст...

– Да, в трехлетнем возрасте замуж рановато! – расхохотался Пётр.

– Осмелюсь заметить, ваше величество, что я еще раньше предвидел, что такая малолетняя невеста, как инфанта, не соответствовала ни королю, ни государственному благу.

– А мне было бы приятно содействовать моему брату Людовику во всем, и я прошу вас уверить короля, что его дружбу и его союз я уважаю более, нежели дружбу и союз какого-либо другого государя. Инфанту же я бы с превеликой радостью принял в России – невестой моего внука Петра...

Последняя фраза вырвалась у государя неожиданно для него самого. До этой минуты и в мыслях не держал. Ну да помолвка еще не венчание, главное – отшибить охоту у русских аристократов с императорским домом родниться. И так проживут.

– Ваше величество, после столь блистательной победы над этим бичом Европы – шведами – Россия стала воистину великой европейской державой, – дипломатично отозвался Кампердон. – Теперь при малейшей демонстрации вашего флота, при первом движении ваших войск ни шведская, ни датская, ни прусская, ни польская корона на осмелятся сделать враждебного вам движения, ни шевельнуть с места свои войска...

Про инфанту француз ровно и не услышал. Ничего, дипломаты напомним.

– Воевать с Людовиком я не собираюсь! – опять перебил его Пётр. – Ты, кажись, с брачными предложениями прибыл. Вот давай их и обсудим тут, без посторонних глаз и ушей.

– Ваше величество, – с отчаянием произнес Кампердон, – мне приказано лично увидеть высоких принцесс, ваших дочерей, дабы я мог предоставить моему повелителю наиподробнееший отчет.

– Увидишь, – посулил Пётр, вставая и резким движением отодвигая стул. – Через два дня чтобы был в Питерсбурге, на торжественном приеме в честь полной виктории над шведами. Там принцесс и узришь... и не только их. А потом побеседуем.

– О, ваша мудрость... – склонился чуть ли не до полу Кампердон, мысленно благодаря Бога, что беседа, похоже, закончилась ко всеобщему удовлетворению, и ему не пришлось затрагивать слишком уж деликатные темы.

На обратном пути в Питерсбург Аким закончил черновик указа. А на особом листе перечислил персон, коим надлежало искать себе брачных союзов лишь среди лиц королевской или герцогской крови. Принцесса Анна Петровна, принцесса Елизавета Петровна, принцесса Наталья Алексеевна, царевич Петр Алексеевич. Да еще дочка племянницы государевой, которую тот за герцога Мекленбургского выдал. Итого пять.

Но если княжна молдаванская сына родит... никому ни указ этот, ни все остальное не нужно будет. Разве что любимицу Елизавету Пётр все-таки постарается выдать замуж за французского короля: пять лет об этом мечтает, да и отправить принцессу во Францию – это не в монастырь заточить.

Ох, дела коронные, дела опасные!

Кампердон прибыл в Россию в знаменательные для нее дни – шли пышные празднества по случаю заключения долгожданного Ништадского мира со Швецией. На первом же приеме во дворце французский посланник действительно узрел воочию обеих принцесс – Анну и Елизавету. Представили его и их матери – благоверной государыне Екатерине Алексеевне.

«Обе русские принцессы обладают красотой и грацией, но Анна более благородна и сдержана в манерах, тогда как Елизавета чрезвычайно хороша собой, очень весела и приветлива, – писал Кампердон регенту. – Обе они несколько не походят на свою мать: толстую, с самым простым и смуглым лицом, с дурными манерами. Сие впрочем не столь заметно за ее обычной неподвижностью и величавостью... Обе принцессы говорят бегло по-французски и по-немецки, и весьма искусны в танцах... Осмелюсь выразить мнение, что младшая принцесса более под-

ходит на роль супруги его наихристианнейшего величества и способна украсить Версаль своей персоной, а также дать королю здоровых наследников...»

Вопрос о вероисповедании даже не обсуждался: подразумевалось, что ежели Версаль выберет одну из русских принцесс, та незамедлительно перейдет в католичество.

Пир, задаваемый в Петербурге Петром Великим в честь Кампредона, с изумительными для француза попойками, не мешали дипломатическим переговорам о заключении брачного союза России с представителем одной из древнейших династий в Европе – Бурбонами. Пётр, как всегда, замахивался широко: младшую дочь намеревался выдать за французского короля, внуку Наталью – за графа де Шароле, ближайшего родственника регента, а внуку Петру сосватать ту самую испанскую инфанту, которую Версаль собирался отослать обратно в Мадрид.

Император Пётр Алексеевич недвусмысленно предлагал Версалью более чем заманчивые перспективы: союз с сильным государством плюс польскую корону. Да к тому – обручение испанской инфанты с самым вероятным наследником российского престола – малолетним внуком Петра. Было о чем задуматься Версалью, и задуматься крепко...

Тем паче, что с польским престолом все обстояло куда как сложно. Здоровье нынешнего короля Августа II было совершенно расстроено. Бывший курфюрст Саксонии, избранный на польский престол в 1697 году и прозванный за свою невероятную силу Сильным, растерял все силы в блестящей и бурной жизни. От законной жены Кристины Байрейтской у него был только один сын, зато внебрачные дети исчислялись сотнями, а о фаворитках, сменявших друг друга в королевском сердце и постели, ходили легенды.

Законный сын не был законным претендентом на престол: королей в Польше избирала шляхта. И герцог Орлеанский давно уже вынашивал план посадить на трон Речи Посполитой своего старшего сына – герцога Шартрского. Прецедент имелся: на этом троне уже сиживал, правда недолго, принц из французского королевского дома Валуа. Так почему бы не попробовать счастья Бурбонам? А при поддержке русского императора... мечты на глазах приобретали черты реальности.

«Положим, – рассуждал регент, – королевская корона, хотя бы и польская, сама по себе хороша, но за невестой один недостаток: ее отец погиб при загадочных обстоятельствах в застенке. Но ее матерью была кронпринцесса австрийская, а это вполне уравнивает чашу весов в пользу принцессы Натальи. Главное – не испортить с таким трудом налаженные отношения с Англией: король Георг I, в недавнем прошлом – ганноверский курфюрст – Бог весть почему враждебно относится к российскому императору. Все нужно взвесить, все просчитать...»

Пока регент взвешивал и просчитывал, пока совещался со своими доверенными лицами, пришло еще одно донесение из России от Кампедона – исключительно о принцессе Елизавете:

«Она достойна того жребия, какой ей предназначается; по красоте своей она будет служить украшением версальских собраний. Если ее свободное обращение и удивит с первого раза французский двор, то, вместе с тем, и очарует его. С свойственной ей гибкостью характера, эта молодая девушка скоро применится к нравам и обычаям той страны, которая сделается вторым ее отечеством, и Франция усовершенствует прирожденные прелести Елизаветы. Все в ней носит обворожительный отпечаток. Можно сказать, что она совершенная красавица по талье, цвету лица, глазам и изящности рук. Если же в ней есть какие нибудь недостатки, то это только недостатки ее воспитания. Меня уверяли, что она умна, а потому возможно исправить ее, если приставить к ней соответствующую тому особу».

Приложенный к депеше миниатюрный портрет Елизаветы решил дело. Портрет показали самому королю Людовику XV, который так восхитился юной северной красавицей, что и слышать больше не хотел ни о каких других невестах.

– Я женюсь только на этой особе, – заявил он регенту и кардиналу Дюбуа. – Мой августейший прадед, мой дед, мой отец – все вступали в брак по политическим соображениям. Я

желаю быть первым королем, женившимся по любви, и покажу всем подданным пример самой высокой и чистой супружеской любви.

– Пусть ваше величество посмотрит и на портреты других принцесс, – попытался охладить королевский пыл аббат Дюбуа. – Принцесса Елизавета наделена всеми добродетелями и прекрасна, но...

– Но этого вполне достаточно, – перебил его юный монарх. – Вы, господин аббат, уже довыбирались до того, что наметили мне в жены нищую дочь польского короля в изгнании. То инфанта-младенец, то старуха... Господин регент, объясните мне, какие выгоды для Франции несет мой брак с польской старой девой?

Юный король проявил незаурядную житейскую мудрость, чего его воспитатели-советники никак не ожидали.

Регент предпочел низко поклониться и заверить короля, что его брачный договор с русской принцессой будет подписан в ближайшее время, и сразу вслед за подписанием невеста приедет во Францию.

Кампердон получил, наконец, депешу из Парижа, в которой ему предписывалось как можно скорее подписать все необходимые для брачного договора документы, заключить сам договор и собираться на родину вместе с принцессой-невестой. О чем и было доложено государю-императору Петру Алексеевичу. Ему же посланник передал и личное письмо регента, в котором говорилось:

«...Вне всякого сомнения, брачный союз между нашими царствующими домами уместен и выгоден для всех. Посему прошу, подписав документы, сопроводить ее королевское высочество принцессу Елизавету во Францию, невзирая на ее юный возраст, дабы она могла принять там истинную веру и вступить в брак с наихристианнейшим королем... Что же касается ее королевского высочества принцессы Наталии, то решение вопроса о брачном союзе между ней и герцогом Шартрским разумнее было бы отложить до официального провозглашения одного герцога польским королем... Переговоры же о браке испанской инфанты надлежит вести с Мадридом, куда принцессу и отправят в самое ближайшее время... Из предстоящего брака Россия извлечет много выгод, к которым император не может быть равнодушным: он вступит в такое родство, лучшие которого не отыщется в Европе, соединит свои выгоды с выгодами могущественной державы и, кроме того, враждебные действия против России со стороны Польши прекратятся, возможно, навсегда...»

Аким Маслов, переводя это послание для государя, только плечами пожимал: до чего же все-таки эти французишки много о себе воображают. Им предлагают принцессу сказочной красоты и со сказочным приданым, а понимает это, кажется, только сам король, хотя едва вышел из детского возраста. Им предлагают вторую принцессу абсолютно королевской крови и поддержку в получении польского трона, а они поворачивают так, что этот трон сам им в руки упадет, как только король Август Сильный отдаст Богу грешную душеньку, а они-де отведут от России страшную польскую угрозу и вот тогда можно о браке думать... Да русские отродясь Польши не боялись, все ровно наоборот было! Ох, как бы не разгневался Пётр Алексеевич на такое скудоумие...

Читая переведенное послание герцога Орлеанского, Пётр фыркал, по своему обыкновению, топорща усы, и Аким уже приготовился к худшему. Но неожиданно государь отбросил бумагу и захохотал. Искренне, до слез, что с ним редко бывало.

– Осторожничают французы, – сказал он, отсмеявшись. – Желают и рыбку съесть и...

На крепкое продолжение фразы Аким позволил себе скупой улыбнуться. Даже не улыбнуться – обозначить улыбку.

– Ну и хрен с ними, – все так же весело продолжил государь. – Ты во что, покличь-ка ко мне Остермана, да Толстого. Эти двое самого папу римского магометанином уговорят сделаться. Политес соблюдаем, но коту тянуть за хвост не станем. Чтобы через два месяца Лизонька

нареченной невестой в Париж отправилась. Да не одна, а с Наташкой-пигалицей. А ты составь черновик письма в Мадрид: будем Петьке инфанту сватать. Пушай гишпанская принцесса у нас подрастает, совместно с женихом. До их свадьбы-то еще – глаза вытаращишь.

Аким поклонился и отправился исполнять поручение, дивясь про себя столь благостному расположению государя. Неужто перестал переживать из-за молдаванской княжны, которая младенчика так и не доносила – скинула? Говорят, помогли ей в этом, да такие персоны, что и подумать страшно. Но, может, оно и к лучшему: император уже не молод, оставлять наследника в пеленках – хуже не придумаешь. А разводиться с нынешней супругой Екатериной Алексеевной и вовсе не время: сие сильно может сказаться на судьбе обеих принцесс.

Нет, все, что Господь ни делает, все к лучшему. Княжна Кантемир в Грецию с болезненным братцем младшим отъехала, и там живет тишайше. А без нее и государыня спокойнее стала, меньше к водочке да наливкам прикладывается и со светлейшим князем Меншиковым по углам скрытно не шепчется. Весьма светлейший государя этими шепотами прогневал: тот по сей день его пред свои очи не допускает.

Граф Пётр Андреевич Толстой, человек умный и дипломат опытный, выслушал прожекты государя очень внимательно, посасывая пустую трубку. Табак он терпеть не мог, но коль скоро Пётр Алексеевич приказал всем своим приближенным трубки курить... Пусть трубка во рту будет: и государю угодить и зельем дьявольским не травиться. Да и молчать – сподручнее.

Андрей Иванович Остерман, приставленный к юному царевичу Петру наставником, заодно наставлял и любознательную царевну Наталью. Девушка сия красотой не блистала, зато к наукам очень тянулась – не в пример своему младшему брату. Остерман, в отличие от русского графа, пустяками не озабочивался, табак предпочитал нюхать. Умен был немец: по-русски говорил без акцента, а коли хотел от прямого ответа уйти, такие словесные кружева заплетал, что ничего понять было невозможно.

– Ну, так что вы мне, господа, скажете? – осведомился Пётр, закончив излагать свои планы.

– Планы твои, государь, воистину тебя достойны, – медленно начал Толстой. – Брак принцессы Елизаветы с королем французским надобно заключать, тут и сомнений никаких нет, такой союзник нам ох как нужен! Но почему ты старшую дочь столь блистательного супружества лишаешь? Анна Петровна и красоты большой, и ума острого...

– Потому и не отпускаю из России... пока, – хмыкнул Пётр. – Острые умы мне самому нужны, чаю Франция своими обойдется. А Лизонька там в самый раз, им как раз такая королева и надобна. На балах танцевать, да детишек рожать.

– Понял, государь, – степенно склонил голову Толстой. – Не сразу, но осознал твой замысел. Тогда скажу про принцессу Наталью. Во-первых, брачных кондиций она не достигла, ей еще десяти лет не исполнилось...

– Осмелюсь заметить, сиятельный граф, – встрял Остерман, – принцесса Наталья к образованию весьма тяготеет и умом не по годам развита...

– Так в брак вступают не для того, чтобы умственными упражнениями забавляться, – огрызнулся Толстой. – Но это ладно, подрастет невестушка, дело житейское. Меня больше твои прожекты относительно польского трона смущают, государь. Герцог-то Шартрский, вестимо, не прочь корону надеть, а его отцу родство с Россией весьма лестно. Да вот польские-то паны ясновельможные, захотят ли своим королем французского принца видеть? Да еще женатого на твоей родной внучке?

– Может, и не захотят, – фыркнул Пётр. – Но ежели с ними не только мои доверенные люди поговорят, а еще и люди регента французского... Сам знаешь, как нынешнего-то короля, саксонца, на польский престол посадили. Золото да пушки русские...

– Так ведь скинули его уже единожды, государь, ради природного поляка Лешинского...

– Потому скинули, что с нами союз заключил, от нас деньги брал, а сам со шведами заигрывал. Да и вернули мы его потом на этот престол, хоть он этого и не ценит. Помрет – посадим принца французского, пушек-то у нас теперь поболее будет, а Швеция козни строить уже не в состоянии... Ну, по крайности останется Наталья французской герцогиней, так ее будущего супруга от французской короны только один Людовик и отделяет. А тот, говорят, здоровьем слабоват...

– Но ведь ежели с Людовиком что случится, то принцесса Елизавета станет...

– Вдовствующей королевой, – неожиданно перебил Толстого Остерман. – И я в том большой беды не вижу. Королевой Франции все равно будет русская принцесса, только внучка государева, а не дочка.

– Ну, будем на Бога уповать, что король французский окрепнет и царствовать станет долго, – изрек Пётр. – Пока же он еще отрок, да и Лизаньке повзрослеть надо. Пусть займет место инфанты, обвыкается при французском дворе вместе с племянницей своею. Вдвоем-то, я чай, им не скучно там будет. Приданое обоим принцессам я намерен положить по миллиону...

Оба советника дружно ахнули:

– Да где же такие деньжища взять, государь? Казна-то, сам ведаешь...

– А я не из казны деньги возьму! – захохотал Пётр. – Светлейший наш заворовался без меры, мне донесли – три миллиона князюшка хапнул, не считая всякой рухляди, да посуды дорогой. Вот пусть и возвращает наворованное, если не хочет, чтобы я его, как иных-прочих вздернул.

Тут развеселился даже невозмутимый граф Толстой, чья неприязнь к светлейшему князю ни для кого не была тайной. Ай да государь! Думали, просто закрывает глаза на проделки своего давнего приятеля и любимца, а он вон как обернул. Все, что Александр свет Данилович в свои закрома уволок, теперь в казну возвратится. И принцессам достойное приданное, и государству прибыль.

А светлейший, по всему видно, совсем в немилость попал. Бубнили по углам, что только заступничество государыни, Екатерины Алексеевны, спасает его от смерти позорной. Ну, да мало ли чего по углам бубнят...

– И вот еще что, – продолжил Пётр. – Ведомо мне стало, что для старшей дочери своей Александр Данилыч сыскал жениха изрядного: графа Петра Сапегу, сыночка бывшего Великого гетмана Литовского. Сему браку я препятствий чинить не намерен: пусть в ближайшее время граф обвенчается и увозит свою супругу из России. А ежели его тесть за ним соберется, тоже удерживать не стану...

Толстой с Остерманом украдкой переглянулись. Опала, явная опала, но не в Сибирь Алекашку-высочку загоняют, а дают возможность благопристойно из России удалиться в его малороссийское имение.

– Сына же его единственного желаю сосватать с девицей знатного рода. Мнится мне, средняя дочь князя Долгорукого подойдет. Старшая-то, вроде, просватана уже за посланника австрийского, графа Миллезимо...

И снова советники переглянулись. Нет, государь по-прежнему сохраняет ясность ума, помнит все мелочи... И Меншикову этими браками не столько честь оказывает, сколько руки укорачивает, дабы к короне российской даже в мыслях не тянулся.

– Думаю, князь Алексей не согласится дочку за Меншикова-младшего отдать, – сказал Толстой. – Больно горд князь, да и спесив.

Князь Алексей Григорьевич Долгоруков и вправду был мужем невеликого ума и великой гордости: в молодости шесть лет прожил с отцом-дипломатом в Варшаве, ездил в Италию, но языков иностранных так и не освоил.

– Коли я сам сватом буду, согласиться, – равнодушно заметил Пётр. – А не согласиться...

Тут засмеялся даже осторожный Остерман: не было на Руси человека, настолько лишившегося ума, чтобы возражать государю-императору.

– И последнее, господа советники, – продолжил Пётр. – Надлежит начать скорейшие переговоры о браке внука моего Петра на испанской инфанте. Чтобы привезли невесту в Москву, да обручили побыстрее с царевичем.

– Так ведь она латинянской веры... – не без робости заметил Толстой.

Пётр пожал плечами.

– Сие мне безразлично. Захочет инфанта – примет православие, не захочет – в своей вере будет жить. Тут я никого не неволю. А французскими альянсами поручить заняться князю Василию Лукичу Долгорукому, тот с тамошними обычаями хорошо знаком и быстрее, чем кто-либо управится. Снабдить его всеми надлежащими бумагами и передать, чтобы не мешкало: дело больно важное... А, вот и Аким. Ступайте, господа, дело надо делать.

Советники откланялись и оставили государя наедине с его секретарем.

– Написал? – отрывисто осведомился Пётр.

– Точно так, государь, извольте взглянуть.

В бумаге, составленной Акимом, говорилось о том, что его величество император Всероссийский предлагает испанскому королю Филиппу V заключить брачный союз между единственным внуком Петра и законным наследником престола российского и старшей дочерью короля Марианной-Викторией, хотя той и исполнилось всего три года. Но и жениху было всего девять лет, так что государь всероссийский предлагает своему брату, королю испанскому, прислать пока принцессу в Россию, дабы она пообвыкла на новой отчизне и привыкла к новому двору, как это принято у коронованных особ.

Через неделю Василий Лукич Долгоруков в сопровождении пристойной свиты выехал во Францию, снабженный всеми необходимыми документами и инструкциями. А вслед за ним полетело очередное донесение Кампардона:

«...Только одна невеста – внука короля английского – может считаться соперницей Елизаветы. Но король французский не может жениться иначе, как на католичке, а в Англии никогда не согласятся, чтобы великобританская принцесса публично отреклась от протестантизма. Напротив того, русская принцесса легко отречется от своей религии для блестящего брака, и Елизавета обратится в католичество, подобно тому, как мать ее, протестантка, приняла восточную веру. Так что остается только поторопиться этим делом».

Пришедшее в Россию месяц спустя послание Долгорукова показывало, что он весьма усердно принялся за порученное ему сватовство, благоразумно не затрагивая вопроса о польском престоле для жениха принцессы Натальи, но упирая, в основном, на огромное приданное обеих невест и сводя все проблемы к средствам обеспечения принцессы Елизаветы на случай ее – спаси Господи и сохрани! – вдовства.

Когда речь все же заходила о расчетах герцога Орлеанского на польскую корону для своего старшего сына, Долгоруков лишь пожимал плечами:

– Да, нынешний король польский может прожить еще лет десять – и что с того? Один раз его уже свергали с трона шведы и возвращали на престол русские. Так почему бы не свергнуть его снова в пользу французского принца и с поддержкою русских?

Аргументы русского посланника произвели на регента и его советников огромное впечатление. Но кто знает, сколько бы еще Версаль раздумывал над решением брачной проблемы, если бы в очередном послании Кампердона регент не прочитал бы о том, что в Петербург прибыли два принца Гессен-Гомбургские, и что государь принял их весьма ласково.

Герцог Орлеанский распорядился отправить в Петербург портрет своего сына, герцога Шартрского, якобы для того, чтобы принцесса Наталья могла оценить своего будущего супруга. Смысл сего послания был ясен обеим сторонам: договоры будут подписаны со дня на день, обеих принцесс надлежит собирать в дорогу на новую родину.

И в те же дни Пётр допустил, наконец, к себе светлейшего князя Меншикова – впервые за долгие месяцы полуопалы.

Александр Данилович, одетый против обыкновения скромнейше, бросился на колени, едва переступив порог царского кабинета. Каем глаза косил на лицо Петра: не всколыхнется ли в том прежнее, не помилует ли вчистую, как уже не раз бывало. Но лицо императора оставалось непроницаемым.

– Встань, князь, – сухо сказал он. – Когда на свадьбу к дочери позовешь?

– Так ведь, мин... ваше величество... государыня-то изволила предложить...

– При чем тут государыня? – нахмурился Пётр.

– А при том, ваше величество, – заторопился Меншиков, – что ее величеству желательно за Сапегу свою племянницу выдать, а Машке моей она другого жениха посулила сыскать.

– Посулила, говоришь? – с обманчивой мягкостью переспросил Пётр. – Сейчас я тебе посулю: ежели через неделю твоя Машка не станет графиней Сапегой, я графа сего из России вышлю. Он на запад поедет, а ты со чадами и домочадцами – совсем в другую сторону. И без поклажи. Уразумел?

– Не губи, государь! Всю жизнь тебе служил, живота не щадя...

– А теперь решил Катьке послужить? Думаешь, она после меня на престол взойдет? Ну, отвечай!

– Так разве ж я один... – пробормотал Меншиков. – Все исполню по твоей воле, мин херц, не гневайся. Машку с Сапегой мигом окручу и пушай в Польшу едут.

– А мы с тобой сейчас поедем невесту твоему сыну сватать.

Меншиков побледнел до синевы: в таком настроении Пётр мог женить его сына на последней дворовой девке.

– Не пужайся, доволен останешься. К Долгоруким поедем, княжну Елену в супруги твоему недорослю просить. Я чаю, князь мне не откажет... И вот еще что: те три миллиона, что украл ты, Данилыч, вынь и положи мне немедленно. Два миллиона на приданное принцессам пойдут, третьему я применение сам сыщу.

– Да где же я...

– А где хочешь, – равнодушно ответил Пётр. – А после того, как Машка с графом повенчается, а сын твой на княжне Долгорукой женится, повелеваю тебе отъехать в какое-либо имение твое.

Меншиков молча поднялся с колен. Лицо его враз осунулось, светлейший будто постарел за эти минуты лет на двадцать.

– Так едем свататься? – с недоброй усмешкой спросил Пётр.

– Как прикажешь, государь...

– И про деньги не забудь.

Меншиков только вздохнул и низко поклонился.

А Екатерина-то клялась ему, что отойдет государь, помилует по старой памяти, уж она постареется, кроме светлейшего у нее близких людей при дворе и нет. Эх, Катенька, Катька, Марта незабвенная! Теперь у тебя вообще никого не будет... никогда.

Глава вторая. Завещание Петра

– Маменька! – влетела в покои Екатерины младшая дочь, принцесса Елизавета. – Маменька, гляньте, что мне жених в подарок прислал!

Екатерина оторвалась от своих невеселых размышлений и взглянула на дочурку. Скоро четырнадцать, а по виду – все восемнадцать. И в кого она такая уродилась – ликом ни в мать, ни в отца?

Екатерина вспомнила, что ее рождение очередной дочери – пятой по счету – не больно порадовало: хотела сына, до полуобморока, до черноты в глазах. Чтобы сердечный друг Петруша из полюбовниц ее выше вознес: двое младенцев-то мужского пола не жильцами оказались, едва окрестить успели. А родила опять девочку.

Хотя сам Пётр почему-то возликовал: как раз въезжал торжественно в Москву после славной Полтавской виктории, а ему доложили, что в подмосковном Коломенском госпожа Скавронская родить изволила. Дочку.

– Отложим празднество о победе и поспешим поздравить с восшествием в мир мою дочь, – повелел как всегда непредсказуемый Пётр Алексеевич.

И поспешил в Коломенское, где ему показали крепкого и здорового младенца, причем не обычного малиново-красного уродца, а настоящую беленькую куколку. И уже через несколько месяцев стало ясно: ликом новорожденная удалась в деда, царя Алексея Михайловича.

Все остальные в этой семье были брюнетами с темными глазами. Белокурая с рыжим оттенком, голубоглазая и белолицая Лизанька выделялась еще и ровным, веселым характером: она почти никогда не плакала и улыбалась каждому, кто подходил к ней. Вот уж характером она точно пошла в мать, за что та ее выделяла.

Екатерина опять вздохнула: дочек-то она после их рождения почти не видела: вечно с государем в поездках, да походах. Аннушка и Лизонька детство и юность провели в подмосковных селах Преображенском и Измайловском, под надзором иностранок-наставниц. Лизонька чуть ли не с младенчества привлекала внимание своей красотой и изяществом. А теперь вот – невеста короля французского, вот-вот уедет на новую родину. Только бы была счастлива...

– И что же тебе жених прислал? – улыбнулась дочери Екатерина.

Та протянула небольшой медальон, осыпанный бриллиантами. Под крышкой был миниатюрный портрет белокурого мальчика с большими голубыми глазами. Ангелочек!

– Хорош король, прямо сахарный...

Елизавета капризно оттопырила губку:

– Уж вы скажете, маменька... Сахарный!

– А какой же еще?

– Прекрасный! – не задумываясь, выпалила Елизавета. – А «сахарный», да «сладкий»... так только дворовые девки говорят.

– Да успокойся ты! Пуцай прекрасный. По мне – так хоть какой, лишь бы тебя не обижал. Платья-то из приданого, чай, все уже перемерила?

– Мадам Датур говорит, что много платьев не надобно, во Франции мне другие пошьют, по новейшей моде.

Мадам Датур, точнее виконтесса Датур-Дануа, была вместе с итальянской графиней Марианной Маньяни наставницей Анны и Елизаветы в языках, танцах и хороших манерах. Немецкому же языку, столь любезному обоим их родителям, принцесс обучал «мастер немецкого языка» Глик. Так что в весьма еще нежном возрасте и Анна, и Елизавета, свободно говорили на четырех языках, считая природный русский.

Елизавета, правда, писать и читать откровенно не любила, заманить ее в «классы» можно было, только посулив обновку или лакомство. Зато танцевать могла – с утра до ночи, а уж насчет деликатных манер и вовсе преуспела: часами перед зеркалом вертелась, реверансы, да жесты куртуазные разучивая. И наряжаться страсть как любила, даже отец ей порой выговаривал:

– Ты бы с Аннушки пример брала, да книжку какую почитала, а то как нихватишься тебя – все с модистками, да портнихами.

Лизонька же в ответ только хохотала:

– Папенька, Аннушка у нас умница, а я – красавица! Отдадите меня за королевича какого-нибудь заморского, чай, с ним не книжки читать будем...

И тут же карабкалась к отцу на колени, терлась розовой щечкой о камзол, гладила ручонками по лицу. Действительно, зачем такой лапочке книжки?

– Ты вот что, Лизонька... Сядь рядышком, мне тебе кое-что сказать нужно.

Елизавета откровенно зевнула. Зевала она, как котенок, открывая розовое небо и мелкие жемчужные зубки. И тут же ойкнула, получив от маменьки увесистый подзатыльник.

– За что?

– А чтоб мух не ловила, а слушала прилежно. Хоть за короля выходишь, хоть за пастуха – все едино: из девок бабой станешь. А это нелегко. Бабья-то доля тяжелехонька...

– Ой, не пугайте меня, маменька!

– Я тебя не пугаю, а уму-разуму учу. Чтобы муж твой к тебе на всю жизнь прилепился и на других женщин даже смотреть не хотел. Ты вот что сделай, когда вас вдвоем в спальне с Людовиком оставят...

Дальнейшее Екатерина шептала дочери на ухо, а та то краснела, то бледнела, но слушала, затаив дыхание.

– А сильно будет больно, маменька?

– Не знаю, дочка. У всех по-разному. Я так и не заметила ничего, до того воспламенилась...

– И папенька... воспламенился?

Екатерина замолчала, словно налетела на невидимую преграду. Меньше всего ей хотелось рассказывать дочери о своей бурной юности. А что сказать?

– Я твоего папеньку как увидела – так и обмерла, – нашлась она наконец. – Тогда-то я в доме светлейшего князя Меньшикова жила, экономкой. Злые языки про нас всяко трепали, только Александр Данилович ко мне как к сестре родной относился. От полона спас, из грубых рук солдатских вырвал. А потом приехал к нему царь Пётр Алексеевич... И пропала я, доченька, совсем пропала – так полюбила батюшку твоего.

– А он?

– И он меня полюбил... Я с того вечера всюду за ним – как нитка за иголкой. Только сначала он меня к своей сестрице любимой, тетушке твоей Наталье Алексеевне отвез. Сказал ей: «Вот, Натальюшка, девица Марта, графиня Скавронская. Из Лифляндии она, потому по-русски не знает. Но ты ее научи, да в веру истинную приведи, потому как полюбилась она мне».

Елизавета слушала с полуоткрытым ртом, даже дышать боялась. Впервые слышала она историю знакомства своих родителей не от придворных сплетников, а от самой матери.

– Вот и стала я русскому языку учиться, да манерам, при дворе принятым. А потом крестили меня Екатериной и отчество дали – Алексеевна. По отцу моему крестному, сыночку государеву, ныне покойному... Все это время мне государь письма писал, да такие нежные, а я ем отвечала, как могла. А потом стала я вместе с государем в походы ездить, да в разные страны, стала ему женой венчанной...

– Маменька, а отчего Александра Данилыча батюшка в ссылку отправил?

Лицо Екатерины омрачилось. Этого поступка она Петру никак не могла простить, хотя понимала, что отделался светлейший легчайше. Дочка его старшая вышла за графа Сапегу, сын взял в жены княжну Долгорукову. А вот самого с супругой да младшей дочерью отправили... ох, хорошо хоть не в Сибирь! – в его самарскую вотчину, село Новопречистенское, которое Александр Данилыч почему-то особенно любил. Да и полторы тысячи душ в собственности, легко сказать!

Для всякого другого – богатство, для Меншикова – бедность. Но уж слишком заворовался сердечный друг, никак невозможно было его простить. Пётр в гневе чуть было не повесил – Екатерина в ногах валялась, умоляла смириться.

Над ним смиловался, а над ней? Пётр свет Алексеевич написал завещание, в которой ее наследницей престола назначал, даже короновать собрался. Как они радовались тогда с Александром Данилычем, какие планы строили! А без него ее российская знать мигом от престола отшибет, ни на какое завещание не посмотрит. Да и не коронована она еще, а как некоронованной на престол садиться? Опять же – Петрушка, внучок супруга ее, самый что ни на есть законный наследник... Думали позже обвенчать его с Машкой Меншиковой и управлять ими обоими. Ан нет: попала государю вожжа под хвост, все перетасовал, все планы порушил.

– Вы что загрустили, маменька? – нарушил ее невеселые мысли голосок Елизаветы.

– С тобой расставаться жалко, – нашла с ответом Екатерина. – Дитё ведь еще, а уедешь в эту самую Францию, кто там за тобой приглядит?

– Батюшка сказывал, подберет мне статс-дам, чтобы приглядывали...

– Он подберет, – вздохнула Екатерина.

А про себя подумала, что иным статс-дамам самим пригляд нужен. Попадут за границу – враз голову от соблазнов всяческих потеряют. До королевы ли девчонки им будет? А тех, кто посolidнее, да поведения примерного, мужья вряд ли отпустят. Надо бы поговорить с Петрушей – да поди подступись к нему. С тех пор, как девка молдаванская ему голову заморочила, совсем чужой стал, не вспомнить уже, когда в одной постели спали.

– Я пойду, маменька? – затеребила ее Елизавета. – Учитель танцев-то, поди заждался...

– Иди, милая. Еще поговорим, Бог даст.

Елизавета упорхнула, оставив мать наедине с грустными мыслями. Впрочем, печалилась та недолго. Через некоторое время позвонила в колокольчик и приказала лакею:

– Господина Монса покличь-ка. Нужен он мне.

Это была еще одна из причуд государя: определить своего адъютанта, храбро сражавшегося во многих битвах, камер-лакеем к своей теперь уже законной супруге Екатерине. Постаралась его старшая сестра Модеста Балк, к которой Пётр благоволил. Придворные только изумлялись: старшая сестра и младший брат отставной фаворитки-изменницы Анны Монс, «кукуйской царицы» – в фаворе у государя. Не иначе, не может забыть первую свою любовь. А может, и без воровства какой не обошлось.

Так или иначе, молодой красавец быстро завоевал расположение государыни и в скором времени уже управлял вотчинной канцелярией государыни, занимаясь ее перепиской и бухгалтерией. Сопровождал Екатерину во всех походах и поездках, включая Европу и персидский поход. И довольно быстро перестал замечать разницу между своим карманом и карманом государыни.

Помимо этого самые именитые фамилии страны заискивали перед Монсом. Меншиков зубами скрежетал от ярости, но ничего поделать с любимцем государыни не мог. Приходилось улыбаться и кланяться ненавистному выскочке... а что делать, сам хоть и «светлейший», да кто-нибудь то и дело исподтишка «подлым происхождением» попрекает. А этот сукин сын – немец, к ним у государя особое отношение.

Меншиков загремел в ссылку, а красавец Виллим остался. Потихоньку копил деньги, крутил романы с придворными красавицами, благо они сами ему на шею вешались: молод, хорош собой, чувствительные вирши слагает. Пётр только посмеивался:

– Смотри, Вилька, оженю тебя! Добегаешься!

– Ваше величество, только прикажите, – с улыбкой склонялся в низжайшем поклоне Монс. – На стряпухе женюсь или... на княжне какой, лишь бы угодить моему государю.

– Я подумаю, – хохотал Пётр, чрезвычайно довольный такой сговорчивостью.

И придумал. Женил брата своей бывшей супруги Евдокии, ныне старицы Елены, Степана Лопухина, на племяннице Виллима – Наталье Балк, дочери Модесты. Невесте едва исполнилось семнадцать, но красоты она была – необыкновенной, а Пётр любил видеть вокруг себя хороших женщин.

Степан Лопухин, человек старых взглядов и старой закалки, подчинился воле государя без особого восторга. Красота жены его мало волновала, за глаза он ее иначе как «кошкой немецкой» и не называл, но ни в чем не ограничивал. Наталья осталась лютеранкой и вскоре стала закадычной подружкой своего красавца-дядюшки, а через него приблизилась и к Екатерине.

К несчастью, прямодушный и не слишком умный Степан не скрывал своей нелюбви к бывшему царственному шурина. Когда скончался в младенчестве первый из сыновей Петра и Екатерины, открыто радовался и даже смеялся во время заупокойной службы. За что и был немедленно выпорот батогом и отправлен с женой и малыми детьми в Колымский острог. С русскими, даже близкими родственниками, государь Пётр Алексеевич не больно церемонился.

К счастью, ссылка была недолгой. Виллим приложил все силы, чтобы вернуть в столицу племянницу. Так что через год чета Лопухиных со чадами и домочадцами вернулись... но не в столицу, а в Москву: там находили прибежище все пострадавшие и потерпевшие неудачу в Петербурге. А Виллим оставался в милости и у государя, и у Екатерины. Вот теперь она и призвала его на совет, как частенько делывала. Тем паче, что по должности своей он был вхож к государыне в любое время.

– Ты звала, госпожа? – услышала Екатерина ласковый, вкрадчивый голос.

Вскинула глаза: вот он, Вилли, тайная отрада очей ее, утешитель во всех печалях. Нужды нет, что то и дело доносят ей о мздоимствах ее любимца – а кто на Руси не берет взятку, достигнув хоть малой должности? Зато всегда даст дельный совет, поможет достать наряд новый или снадобье какое. Да и красив – глаз не отвести.

– Звала, – улыбнулась Екатерина. – Ведаешь, чай, что скоро принцесса Елизавета во Францию отбудет?

– Да кто ж об этом не знает, госпожа?

– Государь к ней статс-дам намерен приставить. Уж не знаю, кого он там выберет. Но надо бы так сделать, чтобы в число этих дам твоя племянница попала. Хватит ей на Москве сидеть, зачахнет.

Виллим задумался на несколько минут, потом просветлел:

– Госпожа, это легко устроить. Государь Степана Лопухина не шибко любит, простить ему дерзкого поведения на похоронах царевича не может. Опять же – ближайший родственник супруги бывшей... В Париже-то он глаза Петру Алексеевичу мозолить не будет.

– Твоя правда! – расцвела Екатерина. – А Наташка пусть при Лизоньке будет, наставляет ее в тайнах женских, да манерах западных. Только как бы об этом государю сказать? Меня-то он видеть не желает...

– Устрою, все устрою. Статс-дамы-то не только будущей французской королеве нужны, но и принцессе Наталье Алексеевне. Ей по малолетству вообще строгий пригляд нужен, а Лопухин ей не чужой – дед, хоть и двоюродный...

При упоминании о старшей внучке супруга Екатерина враз поскучилась. Девочка росла замкнутой и своевольной, никакого почтения новой государыне не высказывала, немцев откровенно чуралась. И с тетушками своими, ровесницами почти, никак общего языка найти не могла. Только с Анной иной раз беседовала – обе читать любили, науками увлекались. А с Лизонькой не заладилось...

– Не пропадет, я чай, Наташка-то, – сухо ответила она. – Приданное за ней царское, хоть и не за короля замуж отдаем. Во Францию приедет, там ее пообтешут на свой манер, нечего нам голову ломать.

– Твоя воля, госпожа...

Виллим послал горячий, обожающий взгляд Екатерине, и та почувствовала приятную истому во всем теле. И то сказать: она еще в самом соку, как у русских правильно говорят: «сорок пять – баба ягодка опять». А кто эту сладость пробует? Петруша последние, почи-тай силы, на молдаванскую девку угробил, на жену законную – слава Всевышнему, давно уже законную! – и внимания-то не обращает.

Последний раз танцевал с ней на свадьбе у Катки Долгорукой, что за венца Миллезимо выскочила. Веселая была свадьба, упились все до полусмерти, отца невесты от стола вынесли совсем без памяти. А братец Каткин, молодой князь Иван, все вокруг Аннушки вертелся, пока принцессы пристойно к себе не удалились. Ищет себе невесту необыкновенную, к княжне Кантемир сватался, да не вышло. И Аннушки ему не видать, как своих ушей...

– Виллим, скажи-ка мне, о чем молодой князь Долгорукий спяну на свадьбе у сестрицы своей болтал. Я что-то не разобралась.

– Да пьяный он был, госпожа, сам не знал, что мелет.

– Русские говорят: «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке», – усмехнулась Екатерина. – Так что у князюшки на языке-то было?

– Ох, госпожа, похвалялся, будто добьется руки принцессы Анны и станет одной из самых важных персон в государстве. Что Петр Алексеевич, цесаревич-наследник, здоровьем-де слаб и умом недалек, он будет царствовать, а они с Анной – править...

Екатерина расхохоталась:

– Да где ж это видано, в России-то, чтобы баба управляла? Совсем князь Иван от пьянства да спеси ума лишился! Вот что, милый...

Словцо само сорвалось с языка и Екатерина густо покраснела. А Монс быстро опустил длинные, как у девицы, ресницы, дабы государыня не заметила, как алчно блеснули у него глаза: давеча с сестрицей Модестой шептались, что государь-то сдает, а кому после него на троне сидеть – неведомо. Вот ежели бы Екатерину короновать, да императрицей сделать после смерти супруга, а ему, Виллиму, при ней неотлучно тайным галантом и советником быть... Только для этого надобно и Анну, старшую дочь, за какого-нибудь иноземного принца выдать, да отправить от России подальше. Умна слишком...

– Слушаю, госпожа, – после едва заметной паузы отозвался он.

– Ты потолкуй с государем – тебя он послушает, я знаю... Надобно Долгоруким спесито поубавить, но и не обижать – род древний, знатный...

– Это я понимаю, госпожа.

– Я бы посватала за князя Ивана племянницу мою, Софьюшку. Она и на лицо пригожа, и приданым ее наделю отменным...

Привыкший уже ко всяким причудам государыни, Виллим невольно вздрогнул. Софья Карловна Скавронская, о которой зашла речь, была старшей дочерью брата Екатерины, Карла, еще недавно – простого лифляндского крестьянина, а теперь – графа Скавронского, милостями Екатерины получившего не только титул, но и роскошный дворец в Петербурге. Софья была недурна собой и неглупа – но и только. И такую невесту предложить одному из самых блистательных женихов России?!

Но через несколько минут губы Монса тронула еле заметная усмешка: Екатерина придумала такое, что более умной женщине и в голову бы не пришло. Отказаться от предложения породниться с императорским домом, не рискуя попасть в опалу, Долгорукие не могли. А брак с урожденной графиней Скавронской надежно хоронил все мечты молодого князя Ивана о союзе с принцессой Анной. Да, надобно поговорить о сем деле с императором, его величество любит подобные браки устраивать. А заодно навсегда лишит Долгоруких какого бы то ни было влияния на государственные дела...

– Мудра ты, госпожа, – поклонился Виллим, – при первом же случае переговорю с государем. Только ты же знаешь, скуповат он... бывает. Так что приданое...

– А приданое из моих средств скудных выделю, – улыбнулась Екатерина. – Деньгами, да деревнями в России и в Ливонии. Я чаю, государственная казна от сего убытку не понесет...

Уйдя из покоев Екатерины, Виллим напрямик отправился... нет, не к государю, а к своей старшей сестре Модесте, без совета которой шагу не делал. Не такая красивая, как брат или младшая сестра, покойная уже Анна, первая любовь Петра Алексеевича, Модеста по праву считалась самой умной в семье, что доказала, сохранив неизменную благосклонность государя даже после того, как Анна Монс была за глупую измену отвергнута.

Замужем Модеста была за Федором Балком, ничем не примечательным военным из Немецкой слободы. Но Петр и его жаловал: за скромность и несклонность к рассуждениям. Сам приставил эту пару к новой супруге своей – Екатерине, и Модеста очень быстро стала доверенным лицом государевой любовницы. А уж как стала та венчанной, законной женой, на Балков посыпались милости. Да и Виллим очень кстати в фавор к государю попал.

Теперь, после брака дочери Натальи с родственником Петра, они поднялись еще на одну ступень в обществе. Нужды нет, что титула им государь никакого не дал, и без титула можно хорошо жить. Высокородные да титулованные иной раз неделями в приемных ждут. Пока государь соизволит из пред свои светлые очи допустить, а Модеста проскальзывала немногим ведомыми потайными ходами во все дворцовые покои. И никаких секретов для нее в дворцовой жизни просто не существовало.

– Сестрица, – с порога комнаты начал Виллим, – догадайся, что госпожа моя, Екатерина Алексеевна только что удумать изволила.

Модеста отложила в сторону вышивание, на котором, как заметил Виллим, за долгое время прибавилось хорошо если десяток новых стежков, и пожала плечами:

– Откуда же мне знать, что государыне угодно придумать? Я не провидица. Хоть намекни, братец.

– Намекну, – охотно согласился Виллим, усаживаясь напротив сестры в покойное, обитое дорогим гобеленом кресло. – Ежели кофием угостишь...

Модеста усмехнулась и тряхнула колокольчиком.

– Так вот, дорогая сестрица, – продолжил Виллим, обмакнув в кофе кусочек бисквита, – речь пойдет о брачных конъюнктурах.

– Уж не тебя ли государыня оженить вздумала? – искренне удивилась Модеста.

– Пока Бог миловал, – усмехнулся Виллим. – Соньку Скавронскую сватать будет за... Ну-ка догадайся, за кого?

– Уж точно не за Петрушу-цесаревича, – вернула ему улыбку сестра. – Думаю, кого-нибудь из иноземцев присмотрела.

– Нет, государыня выше метит. Хочет свою племянницу за князя Ивана Долгорукого отдать.

– Совсем ума лишилась? – фыркнула Модеста. – Так и побежит князь Алексей Григорьевич своего старшего сына на дочери вчерашних холопов женить.

– Государь прикажет – не побежит, на брюхе поползет, – отозвался Виллим. – Теперь главное, чтобы государю сия свадьба по душе пришлась. А вот как это сладить – не знаю. Подумать надо.

– И думать нечего, – отмахнулась Модеста. – Коли Ванька на племяннице государыни женится, Долгорукие кругом повязаны будут... цепями Гименея. Катку старшую, девку заносчивую, за венца выдали – с глаз долой, о России подальше. Среднюю дочь с Меньшиковым окрутили, теперь и думать нельзя о том, чтобы с цесаревичем...

– С цесаревичем?! – несказанно изумился Виллим.

– Ты бы братец, не столько на государыню любовался, да прибыли считал, сколько по сторонам бы глядел, да слушал повнимательнее. Точно мне ведомо: светлейший хотел свою Машку за цесаревича выдать, царским тестем стать, и Екатерина тому не противилась. Да проштрафился сильно – в ссылку угодил. Долгоруковы ведь тоже планы строили – Катку или Ленку под царский венец подвести. Умные люди вовремя государю о сем шепнули. Теперь Ивана на Соньке женить – и конец Долгоруким, никакой власти не получают. А к цесаревичу невеста аж с самого Мадрида едет.

– Это младенец-то? – усмехнулся Виллим.

– Ничего, подрастет. Цесаревич тоже еще мальчишка, годиков десять женихом походит. А десять лет, братик, до-о-лгий срок, многое перемениться может.

Виллим задумчиво покачал головой: действительно, умна Модеста, умнее иного мужа государственного будет, все примечает, все продумывает. Эх, была бы помоложе да девкой, когда русский царь впервые на Кукуе появился! Она не Анна-дура, она бы точно русской царицей стала и Петром бы вертела, как хотела.

Для семейства Долгоруких громом среди ясного неба стало предложение государя Петра Алексеевича повенчать князя Ивана с графиней Скавронской. С одной стороны, вроде бы, получится породниться, наконец, с царской семьей. Да только не так, как мечталось. Сам-то Иван, получив отказ от княжны Кантемир, затеял невиданное: сочетаться с принцессой Анной, но замыслов своих до поры до времени никому не открывал. И тут – это сватовство. Поди, откажи государю...

Так что, как это было в заводе у Петра Алексеевича, после поспешного обручения состоялось не менее спешное, но пышное венчание в присутствии всех особ царского дома. Это немного польстило главе семьи, но сам жених стоял – чернее тучи и вокруг аналоя шел – точно на Голгофу поднимался. Конец мечтам фамильным о царском венце, конец всем хитроумным интригам... Елизавета вот-вот уедет во Францию вместе с принцессой Натальей, к цесаревичу Петру уже везли невесту из Испании. А сам государь, словно нарочно, тасует знатные фамилии, перемешивая их с худородными.

Не успели русские вельможи опомниться от брачных забав государя, как пришло новое известие: Петр Алексеевич решил-таки короновать свою супругу, дабы принцесса Елизавета отбыла на свою новую родину дочерью императора и императрицы, а не «сомнительной принцессой», как порой величали ее смельчаки в тайной переписке.

В мае 1724 года в Кремле состоялась торжественная коронация Екатерины. По этому случаю многие получили награды и повышения. Виллим Монс был произведен в камергеры, Модеста Балк – в статс-дамы императрицы, ее дочь, Наталья Лопухина, официально зачислена в свиту принцессы Елизаветы. Присутствовала на этом торжестве и прибывшая, наконец, из Испании ее королевское высочество, шестилетняя инфанта Марианна Виктория – совершенно обворожительная малышка с манерами и повадками взрослой дамы.

Государь даже оторопел, когда передним предстала эта живая кукла, одетая, причесанная и накрашенная, точно взрослая дама. А когда инфанта начала свою приветственную речь будущим царственным родственникам, и вовсе в великое изумление пришел, ибо инфанта гладко

и безупречно изъяснялась по-латыни, а сей язык был государю плохо введом. Пришлось толмача кликать.

Когда Марианна-Виктория закончила свою короткую и пышную речь, она присела в изысканном и глубоком реверансе перед императором и императрицей, а затем... обратилась с еще одной речью к принцессам Анне, Елизавете и Наталье. На сей раз это миниатюрное чудо изъяснялось по-французски:

– Мои дорогие и высокочтимые сестры, я счастлива приветствовать вас здесь, на моей новой родине и надеюсь, что мои нежные чувства встретят отклик и понимание в ваших благородных сердцах. Мне грустно, что с двумя из вас я буду вынуждена в скором времени расстаться, но мне радостно, что они уедут к своим благородным суженым в прекрасную Францию, родину моего августейшего батюшки...

– Вот это политеся, Катя, – шепнул Петр Алексеевич на ухо своей супруге. – Пигалица же, от горшка два вершка, а речет – будто какой мой министр. Может, Петька от сей инфанты чему дельному научится...

Екатерина промолчала. Она прикидывала, кого попросить научить и ее Лизоньку таким же манерам и выражениям, дабы та блеснула перед французским двором. Судьба царевны Натальи ее не особо беспокоила: эта невзрачная девчонка была и оставалась ей чужой.

По-разному реагировали на речь малышки-инфанты и российские принцессы. Старшая, Анна, дослушав до конца, поднялась и в приличных выражениях по-французски ответила, что тоже счастлива познакомиться с новой сестрицей и надеется стать ей другом. Елизавета ограничилась приветливой улыбкой, но так и ела глазами испанку: запоминала прическу, фасон платья, дивилась набеленному и нарумяненному лицу малышки. А Наталья смотрела исподлобья и мучилась ревностью и завистью: вот эта раскрашенная кукла займет ее место подле любимого брата, а она должна будет уехать в неведомую страну, к неизвестному жениху, принять чужую веру, жить среди чужих людей... Хотя она и здесь-то никому не была нужна.

Государь, поднявшись, объявил, что инфанта, согласно договору, сорок дней проведет в Новодевичьем монастыре, где ее подготовят к переходу в православие. А уж потом состоится торжественный обряд обручения наследника престола...

Вечером следующего дня в двери кабинета Петра Алексеевича раздался тихий стук.

– Кто там еще? – буркнул государь без особого, впрочем, раздражения.

Коронационные торжества прошли, слава Богу, даже на пиру по этому случаю никаких скандалов и пьяных разборок не было. Огорчил только внук, Петрушка: мальчишка сидел рядом с инфантой, насупившись, на ее любезные фразы не отвечал, а вот вино норовил пить как взрослый. Пришлось распорядиться детей с пира увести.

А с Петрушкой с утра пораньше государь имел серьезный разговор – едва ли не первый с момента появления на свет внука. Слава Богу, ликом цесаревич в свою матушку удался, покойную кронпринцессу Шарлотту, и ничем нелюбимого сына не напоминал. Разве что повадкой: глядеть исподлобья да ногти обкусывать.

– Что ж ты, сударь мой, вчера яко дурачок безъязыкий вести себя изволил? – довольно миролюбиво начал Пётр Алексеевич. – Нареченная твоя с тобой куртуазный разговор заводит, а ты молчишь. Что инфанта о тебе подумает?

– А мне все равно, – буркнул мальчишка, не поднимая глаз. – Буду я еще вникать, что эта пигалица лопочет.

– Может, ты по-французски не понимаешь? Али учат тебя худо?

– Мне и русского достаточно, государь.

Пётр Алексеевич потихонечку начал закипать. Сыночек-то, батюшка этого оболтуса, в свое время тоже личико кривил, да от наук бегал. Ничего, обломали: и языки выучил, и математику, и многие другие науки.

– Тебе-то, может, и достаточно. А вот императору русскому сего мало будет. Хватит нам уже перед Европой варварами представляться. Сестрица-то твоя, не в пример тебе, к наукам весьма прилежна, мне воспитательницы ее докладывали...

– Так Наташка скоро уедет, – подозрительно дрожащим голосом ответил цесаревич. – Ей во Франции без языков никак нельзя. А я тут один останусь... Вон, и Лизонька уезжает, с кем играть стану?

Кулак государя тяжело опустился на дубовый стол.

– Наигрался уже! Пора державными делами интересоваться, в них вникать. С сего дня накажу Остерману строже с тебя спрашивать и покуда урока заданного не сделаешь, не будет тебе ни охоты, ни прогулок. И вина не велю тебе совсем давать – мал еще. Ума наберешься, тогда поглядим.

Цесаревич внезапно брякнулся перед венценосным дедом на колени и, уже не скрывая слез, заголосил:

– Государь, да за что же мне наказание такое?! Не лежит у меня душа к наукам, мне бы верхом поездить, зайчика какого поймать. Или с сестрицами в жмурки поиграть... Маленький я еще, пожалей меня, сиротинку горькую!

– Это кто ж тебя таким жалостным словам научил? – изумился Пётр. – Сестрица твоя, Наталья, вон, тоже сирота, а в куклы, я чай, не играет.

– Наташка у нас книжечейная, потому как хворая. Верхом ездить не может...

Пётр нахмурился. О слабом здоровье внучки он слышал впервые.

– Ну, с сестрицей твоей вопрос особый... хотя спасибо, что сказал. А тебе мой наказ наистрожайший: чтобы через полгода способно изъяснялся по-французски и по-немецки. И про латынь не забывай, на ней многие важные книги написаны. Станешь императором – будешь жить, как твоей душеньке угодно. Хотя я, к примеру, лошадей зря не гоняю и зайчиков не ловлю.

– Простите, государь, – пробормотал цесаревич. – Я буду стараться... Только жалко, что сестрицы уезжают...

– Принцесса Анна пока никуда не уезжает. И нареченная твоя, инфанта испанская, я чаю, сможет с тобой в жмурки поиграть... Ежели, конечно, язык ее постигнуть изволишь.

– Воля Ваша, государь...

Цесаревич давно ушел, а Пётр все сидел, грыз погасшую трубку и вспоминал, как радовался, когда сосватал сыну принцессу австрийскую Шарлотту, какие надежды возлагал на этот союз, как готовил сына единственного в наследники... Да все прахом пошло: невестка умерла вторыми родами, сынок Алёшка после смерти жены загулял, слюбился с крепостной девкой, стал против отца заговоры с боярами затевать...

Теперь вот с детками его возись. Наталья-то девка справная, похожа на свою тетку покойную, тоже Наталью Алексеевну: в науках прилежна, ко всему иноземному любопытна. Да вишь ты – хворая. Надобно сказать лекарям, чтобы занялись как следует принцессой: негоже французскому регенту в невестки больную подсовывать, от сего конфуз изрядный произойти может...

Так что день начался не очень, потом заботы государственные навалились, а теперь вот на ночь глядя кто-то опять его домогается. Ежели супруга Катерина – прогонит без разговоров, да и говорить-то больше не о чем. Коронована? Коронована. Теперь пусть сидит тихонечко и не высовывается.

Но это оказалась вовсе не императрица.

– Дозволите войти, папенька?

Старшая дочь, умница-Аннушка. Вот разберется с заграничными делами и начнет ей жениха подыскивать. Понятно, что не русского – много чести, тут же возомнят себя властителями. Но и не короля или владетельного герцога, который из своей страны отлучиться

не может. Тут жених такой надобен, чтобы вместе с Аннушкой в России сидел и помогал цесаревичу-наследнику в делах государственных, пока он в разум не войдет.

– Входи, входи. Что скажешь?

– Я, папенька, хотела с вами об инфанте...

– Что, тоже не глянулась? – усмехнулся Пётр Алексеевич. – Аль завидно стало? Да ты языки не хуже ее знаешь, с любым послом – да и с любым государем поговорить сможешь, коли нужда настанет.

– Нет, папенька, глянулась мне Петрушина нареченная, буду с вашего позволения подругой ей старшей, покуда в девках сижу. Только напрасно вы ее решили сейчас же в православие перекрестить. Уж простите меня за мысли дерзкие.

Пётр Алексеевич ошеломленно поглядел на дочь: такого разговора он никак не ожидал. Вроде само собой разумелось, что невеста его внука станет православной, все его советники о том твердили. И – на тебе, Аннушка сочла сие неправильным.

– Мысли твои не дерзкие, но странные, – медленно произнес государь, раскуривая трубку. – Сестрица твоя Елизавета примет католичество, когда с королем французским под венец пойдет, это решено. То ж и Наталья, внучка моя...

– И сие верно, батюшка: не бывать Лизоньке истинной королевой, коли она православную веру сохранит, не принято сие во Франции.

– Отчего ж инфанте испанской православие не воспринять? Сие народу нашему зело любезно будет.

– Так ведь православие можно и перед венцом принять, – совсем тихо заметила Анна. – А до той поры, по моему разумению, пусть инфанта русский язык учит, со священниками нашими беседует, к новой отчизне и обычаям привыкает. Глядишь – сама восхоцет латинянский крест на православный сменить.

В который раз Пётр Алексеевич со смешанным чувством – гордости и досады – подумал о том, что будь Анна мужского пола, сию же минуту подписал бы указ о назначении ее наследником престола российского. Умна, осторожна, дальновидна, к пустой бабской болтовне не склонна, перед зеркалами, как сестрица ее младшая, да матушка, часами не вертится, на ассамблеях больше беседы с иностранцами ведет, нежели танцует.

А если... Пётр Алексеевич даже глаза прикрыл от внезапно осенившей его идеи. Найти Аннушке достойного, но не слишком высокородного и владетельного жениха, поставить условием, чтобы жили супруги в России, а Анну именным указом назначить регентшей при несовершеннолетнем Петрушке. А при регентше – Совет тайный учредить из персон проверенных и его, петровым, делам приверженным. Буде же с объявленным наследником что приключится – неисповедимы пути Господа! – быть наследником сыну или дочери Анны, опять же при ее регентстве.

– Наверное, ты права, – сказал он, возвращаясь к современности. – Пушай инфанта пока пообвыкнется, языку научится, с женихом подружится. Мать Петрушки-то, кронпринцесса Шарлота, царствие ей небесное, лютеранство так и не отринула...

– Может, и отринула бы, ежели бы на трон взошла, – рассудительно заметила Анна. – А без того к чему ей сие было?

– Ну, и хватит об этом, – решительно отрубил Пётр. – Инфанту я твоему попечению поручаю: последи, чтобы у нее фрейлины были добрые, да из фамилий познатнее. И сама к ней поласковой, мне недосуг, а матушка твоя...

Государь замолчал, а Анна не стала продолжать оборванную им фразу. Ей, не по годам умной и рассудительной, давно было понятно, что от матушки в государственных делах толку никакого. Упаси Господи, на трон сядет: Монсы да Балки вмиг Россию по кускам растащат.

И еще Анне пришла в голову мысль, что надо бы тишком потолковать с Андреем Ивановичем Ушаковым, который после смерти старого «князя-кесаря» Федора Ромодановского стал

главой переведенной в Санкт-Петербург Тайной канцелярии. В помощь ему Петр Алексеевич определил старого и опытного советника, политикана прожженного графа Петра Андреевича Толстого, но тот больше интересовался придворными интригами, да конъюнктурами, нежели делами государственными.

А вот Ушаков, дворянин хоть и родовитый, но бедный, жилы рвал на государственной службе. Попросить бы его приглядеть за Монсом: что-то больно много силы забрал.

– Я все поняла, батюшка, – сказала Анна. – Не извольте беспокоиться, за инфантой я пригляжу, да и за Петрушей, кстати, тоже. Совсем он науки забросил, а как Наталья уедет, так и вовсе, боюсь, с цепи сорвется. Вы государственными делами занимайтесь, а с семейными я вам всегда в помощь.

– Умница моя, – растроганно пробормотал Пётр Алексеевич и поцеловал дочь в высокий (от него унаследованный!) чистый лоб. – Ступай пока к себе, уже и почивать пора. А как принцессы во Францию отбудут, и о твоём замужестве подумаем.

Анна присела перед батюшкой по всем правилам французского политеса и выскользнула за дверь. А у себя, уже переодетая фрейлинами ко сну, выслала всех вон, присела к бюро и написала коротенькую записку Ушакову с просьбой о встрече. Спрятала записку в потайное место и легла спать, положив себе первым делом на завтра сыскать способ передать записку по назначению.

По странному стечению обстоятельств, через недолгое время в Тайную Канцелярию поступил анонимный донос на Виллима Монса. А еще через несколько дней, после веселого совместного ужина с государем и государыней, красавец-камергер был арестован самим Ушаковым. От страха Виллим упал в обморок, но это было только начало. На следующий день арестовали его сестру Модесту.

Следствие, подстегиваемое самим государем, стало стремительно раскручиваться. Никто из арестованных не запирался: все признались, что брали «деньгами и рухлядью меховой, а также иными ценными вещами» за помощь в ведении дел пред императором. Тот был взбешен не столько тем, что вскрылось очередное взяточничество – когда на Руси без этого обходилось? – сколько поползшими слухами об амурных отношениях государыни и ее камергера. Пётр Алексеевич и верил им, и не верил: прекрасно зная о легкомысленном характере своей супруги, он все же полагал, что корона императрицы должна была удержать ее от измены.

Так что Ушакову были даны недвусмысленные указания: дела о супружеской неверности даже не возбуждать, а всякого, кто о сем языком молоть станет, волочь в Тайную канцелярию и бить кнутом нещадно. Весь гнев императора был направлен на взяточников – из-за них Россия погружалась в хаос и разорение.

А тут – взяточничество в покоях самой государыни-императрицы! И такие персоны замешаны, что упоминать страшно: Апраксин, князья Долгоруковы и Черкасские, княгиня Гагарина, граф Головкин, Артемий Волинский, Бестужев-Рюмин, Шувалов, герцогиня Курляндская Анна, царевна Прасковья Ивановна... Они все, впрочем, отделались легчайше: их имена лишь значились в «рописи взяткам», прибитым к столбам у эшафота.

На эшафот же взошли куда менее важные персоны: Модесту Балк прилюдно выпороли кнутом и сослали в Сибирь. А вот Виллим Монс сполна расплатился за всех: его приговорили к отсечению головы.

Экзекуция состоялась 16 ноября 1724 года в Санкт-Петербурге на Троицкой площади напротив Сената. Это место стало традиционным для расправ с преступившими закон. Но при этой казни присутствовали сам император, вельможи и сановники, генералитет, иностранные дипломаты, президенты коллегий и... абсолютная спокойная с виду императрица Екатерина.

Она оставалась спокойной и тогда, когда по приказу ее супруга банку с заспиртованной головой Монса поставили в ее опочивальне к изголовью. Только этим и выдал государь сжигающие его бешеную ревность и ярость... казалось бы. Но Екатерина не ведала о других последствиях казни своего любимца.

Вместе с красавцем-камергером навсегда были отринуты планы сделать ее наследницей престола после смерти супруга. России не суждено было иметь императрицу Екатерину Первую: официальным наследником был объявлен внук государя Пётр Алексеевичем, а регентшей при нем назначалась старшая дочь императора принцесса Анна, «даже будучи сопряженной в замужестве с какой-либо знатной персоной».

Глава третья. Прекрасная Франция

Почти пятнадцатилетний король Франции Людовик ожидал приезда своей невесты со смешанными чувствами нетерпения и боязливости. Впрочем, последнее чувство было для него почти привычным: с младенчества его жизнь была чередой случайных и пугающих событий.

Родителей Людовик XV не помнил: герцог и герцогиня Бургундские скончались от оспы, как и их первенец, когда Людовику было всего два года. «Оспа» было официальным диагнозом, поговаривали об отравлении. Косвенно это подтверждалось тем, что Людовика спасла его воспитательница, герцогиня де Вантадур, просто-напросто не подпуская никого к своему питомцу. Именно тогда в его подсознании прочно укоренилось чувство страха перед окружающими.

Через два года при загадочных обстоятельствах погиб его дядя, герцог Беррийский, которого Людовик XIV предназначал в регенты при своем правнуке-наследнике. Второй дядя занял испанский престол и вообще отрёкся от прав на престол французский. Что, впрочем, не помешало ему впоследствии интриговать и воевать, но это – обычные для Европы отношения между родственниками, там этим и кошку не удивишь.

Но пока что судьба династии, ещё несколько лет назад цветущей, многочисленной и беспроблемной, зависела от выживания одного-единственного ребёнка. Дядя короля, герцог Филипп Орлеанский, женился на дочери одной из фавориток своего брата – только так он мог доказать, что не посягает на корону Франции.

Маленький кронпринц прелестный ребенок, живой, рано развившийся, робкий, очень нежный, тонко чувствующий, слабый и избалованный, будучи полным сиротой, рос без семьи, братьев и сестер, очень изолированно и замкнуто хотя и окруженный множеством людей. Поэтому он очень привязался к гувернантке, которую называл «мама Вантадур», и к своему прадеду, которого называл «папа король».

За маленьким сиротой постоянно следили, не оставляли одного ни на шаг; беспокойство и сочувствие, которое он вызывал, сыграло определённую роль в его популярности в первые годы царствования. Но и отложило неизгладимый отпечаток на его характер, что чрезвычайно огорчало его царственного прадеда: боязливый монарх – это бедствие для нации.

Возможно, властный и привыкший добиваться своего Людовик XIV и сумел бы перевоспитать Луи, но... судьба не дала ему этого шанса. Король-Солнце, правившей Францией более семидесяти лет – так что большинство французов просто не могло себе представить другого монарха, Людовик XIV де Бурбон, получивший при рождении имя Луи-Дьёдонне («Богоданный»), скончался в возрасте семидесяти семи лет, оставив государству нового пятилетнего короля. Что-то символическое в этом было, ведь и Людовик Богоданный, «король-дитя», вступил на трон именно в этом возрасте.

Его правнуку достался трон, озаренный таким величием, которого не было доселе и которого не будет после. Знаменитое «Государство – это я» определяло политику, роскошный Версаль, любимое детище «Богоданного», диктовало моды, вкусы и стиль жизни. Но без своей души, без своего создателя, и Франция, и Версаль, начали терять былые блеск и непререкаемость.

Регент, герцог Орлеанский, доставил французскому королевскому двору сомнительную славу одного из самых распущенных и безнравственных в Европе. Законная жена, родившая ему несколько детей, была забыта: бал – в прямом и переносном смысле – правили фаворитки.

В возрасте шести лет Людовик перешел из-под опеки своей спасительницы и воспитательницы герцогини де Вантадур на воспитание аббата Флери, которого любил нежно, как отца. Король учился прилежно и знал много; особенно он любил математику и географию.

Кроме обычных предметов, его приучали к государственным делам: регент заставлял его присутствовать на важных совещаниях и подробно объяснял дипломатические дела – так, как он их понимал.

При таком образовании и воспитании Людовик оказался совершенно не готовым к самостоятельному правлению, хотя его объявили совершеннолетним еще до достижения им четырнадцати лет. Ему необходимо было регулярно принимать дипломатический корпус, присутствовать при принесении присяги и выполнять религиозные обязанности как всехристианнейшему королю... Маленького мальчика на седьмом году жизни перегрузили этими протокольными повинностями, и у робкого от природы ребенка появился так и не покинувший его страх перед скоплением незнакомых людей.

За непринужденностью и превосходными манерами в душе и характере монарха скрывалась врожденная робость. В то время когда другие дети могли играть со своими ровесниками, он с удивительной серьезностью выполнял взваленные на него обязанности, которые его очень обременяли и рано выработали склонность к меланхолии.

Не удивительно, что Людовик откровенно тяготился своими королевскими обязанностями и старался перепоручить их министрам. Первым же министром в течении почти двадцати лет был его любимый наставник, аббат Флери.

А первым самостоятельным и непреклонным королевским решением: брак с русской принцессой Елизаветой. Конечно, вступать в брак так рано было не вполне разумно, но все опасались, что слабый здоровьем король умрет холостым и бездетным, а тогда Франции не миновать междоусобицы.

Как оказалось впоследствии, слухи о слабости здоровья короля были сильно преувеличены. Но пока он не вступил в законный династический брак, пока от этого брака не родился сын... У герцога Орлеанского были весьма и весьма смелые мечты, которые он подкрепил согласием женить своего старшего сына на внучке русского императора. Если – от чего спаси и сохрани Господь! – одна русская овдовеет бездетной, то блистательный и выгодный союз с новой мощной державой сохранится.

Незадолго до того, как русские принцессы должны были прибыть во Францию, регента разбил паралич и Филипп Орлеанский скончался. Его единственный сын Людовик, которому уже исполнился двадцать один год, в отличие от своего отца, был глубоко религиозен и не интересовался политикой. Но от русской невесты не отказался: ее возраст позволял отложить исполнение ненавистного герцогу супружеского долга по меньшей мере на пять лет и предаться своему любимому занятию: переводом Псалмов и посланий апостола Павла на французский язык.

Место герцога Орлеанского при короле занял герцог де Бурбон, которому было поручено общее управление делами, Сам же герцог находился под властью маркизы де-Сен-При. Маркиза повела, между прочим, такую политику, что прежнее высокомерное отношение Франции к России более уже не допускалось. Бог весть, что для этого сделали русские дипломаты при французском дворе...

Юный Людовик грезил о своей невесте – белокурой принцессе с Севера, из загадочной Московии, где всегда лежит снег, где люди круглый год ходят в меховых шубах и шапках, а женщинам только недавно дозволили выйти из их особых покоев «ле терема», где они до этого жили, как восточные женщины в гареме.

Он мечтал о первой встрече, о том, какими словами встретит свою избранницу. «Мадам, – скажет он, – Вы прибыли в теплую страну, где все сердца открыты Вам, а сердце короля – это медальон, где хранится Ваше божественное изображение». Он представлял себе, как зардеется прекрасная принцесса, как она пролепечет в ответ...

А что же она ответит?

Именно этот вопрос занимал и ту, о которой грезил юный французский монарх. Елизавета ехала в поместительной дорожной карете с двумя своими ближайшими фрейлинами – Натальей Лопухиной и... княжной Марией Кантемир, которая незадолго до отъезда принцесс во Францию явилась к государю и попросила о столь высоком назначении.

Пётр Алексеевич колебался: прежняя любовь к прекрасной молдаванке, память об их так и не родившемся сыне сжимали сердце и подталкивали к отказу. Но здравый смысл, подсказывавший ему, что лучшей наперсницы для его любимой, но легкомысленной Лизаньки, найти просто невозможно. Княжна Кантемир известна своей набожностью и скромностью, тогда как Наташка Лопухина была настоящим воплощением греха. При французском дворе и без того нравы, говорят, легкие, как бы не наделала юная королева ошибок с первых же шагов...

Государь позволил. И Мария Кантемир – к великому неудовольствию Лопухиной и к огромной радости государыни Екатерины Алексеевны отправилась в Париж в одной карете с невестой французского короля. А за ними следовала целая вереница карет со свитой и возки с приданным обеих принцесс. Лишь при приближении к Парижу принцессам надлежало пересесть каждой в особую парадную карету, дабы их женихи могли церемонию встречи провести, как подобает.

И плакала почти всю дорогу Наталья тихими, обреченными слезами, чем раздражала Елизавету безмерно: о чем ревет, дурочка? Ну, братец любимый в России остался, так не век же при нем сиднем сидеть, надо и о себе подумать. Петрушка-то императором когда-нибудь станет, на испанской инфанте женится, разве будет у него время с сестрицей возиться? Так и помрет старой девой. А тут – герцогиня Орлеанская, вторая дама во Франции после королевы, а ежели повезет, так глядишь и сама – королева польская. Другая бы от счастья себя не помнила...

Да Бог с ней, с Наташкой-то малахольной, а вот что отвечать королю-жениху на приветственную речь? И что скажет ей этот юный белокурый красавец, чей портрет она часами разглядывала тайком от окружающих? Говорили, он выбрал ее, Елизавету, из сотни других принцесс. Врут, поди: откуда в Европах столько принцесс-невест набрать? Но все равно – лестно, сладко и страшно чуть-чуть. Как бывает страшно, когда санки срываются с вершины снежной горы и летят вниз.

Король... Он встретит ее на прекрасной лужайке перед самым красивым дворцом мира, как все твердят о Версале, и скажет ей... Что же он скажет? Наверное, то, что обычно говорят при встрече: «Добро пожаловать во Францию, моя принцесса». А она... она, пожалуй, ответит так:

– Я счастлива, сир, что выбор наихристианнейшего короля пал на меня...

Нет, глупо. Что она – безродная бесприданница? Еще неизвестно, кто кого больше осчастливил. Она-то первой красавицей в Европе слышет. Что же ответить? Жаль, не успела Аннушку, сестрицу, перед отъездом попросить ей слова придумать. Та – умница, враз бы нашла самые-самые. И ведь проговорили последний раз чуть ли не всю ночь – а о чем, не вспомнить. О пустяках каких-то, о том, что будут писать друг другу каждую неделю, что Елизавета приедет на свадьбу к Аннушке...

Когда она будет эта свадьба и с кем? Неужели с герцогом Голштинским, который и собой нехорош, и небогат, и часть герцогства у него датчане отняли? Правда, папенька сулил ему шведский престол... вот хорошо бы. Стала бы Аннушка шведской королевой... Нет, но что же все-таки сказать при первой встрече жениху?

Ваше высочество, – услышала она голос Марии Кантемир, – мне нужно вас предупредить, что ваш переход в католичество состоится в Страсбурге. И сразу после этого будет венчание...

– Не в Париже?

– Это будет первое венчание – по доверенности. Жениха будет представлять герцог Орлеанский.

– Это мой жених! – неожиданно пискнула из глубины кареты принцесса Наталья, у которой от неожиданности даже слезы высохли.

– Разумеется, ваше высочество. Но в Страсбурге он будет представлять персону своего короля. А с вами торжественно обручится в Париже, после чего будет назначена дата свадьбы и венчание в Фонтенбло – это загородная королевская резиденция.

Елизавета умолкла и попыталась осмыслить услышанное. Конечно, православной венчаться с католиком негоже. Но как будет происходить ее переход в католичество? Двумя днями позже, въехав в Страсбург под восторженные приветствия горожан, Елизавета убедилась, что ее будущие верноподданные относятся к этому вопросу легкомысленно. Переход ее в католичество было намечено провести за полчаса до начала свадебной церемонии. А ларчик открывался просто: католики признают крещение в православной церкви и для обычных людей никаких особых ритуалов совершать не требуется. Но для будущей французской королевы...

И в прекрасном платье из серебряной парчи, украшенном серебряными же кружевами, Елизавета в сопровождении принцессы Натальи, знатных русских дам и своих фрейлин вошла в величественный собор Страсбурга. Процессия остановилась в одном из боковых приделов, где ее уже ждал епископ в фиолетовой епитрахили. Он начал с короткой проповеди, смысл которой ускользнул от Елизаветы, поглощенной созерцанием окружающего ее каменного великолепия, так непохожего на родные русские храмы. От этого занятия ее отвлек возглас епископа:

– Элиза, чего просишь ты у церкви господней?

– Веры, – услышала она чей-то шепот за плечом и послушно повторила:

– Веры.

– Что даст тебе вера? – тут же последовал второй вопрос, но Елизавета уже сосредоточилась на церемонии.

– Вечную жизнь! – без подсказки ответила она.

Епископ подул на нее, символизируя тем самым изгнание злого духа, затем дал несколько крупинок соли, символизирующих милость Божию. Потом все присутствующие прочли «Верую» и «Отче наш» по-латыни, и Елизавете снова потребовалось сосредоточиться и не сбиться на привычный старославянский.

– Отвергаешь ли ты Сатану? – спросил трижды епископ, и Елизавета трижды подтвердила, что отвергает, знать не хочет врага рода человеческого.

После этого двое служек подняли массивную крышку серебряной купели и епископ деликатно окропил новообращенную святой водой:

– Элиза, крещу тебя...

Епископ уже сменил епитрахиль на белую – в знак радости. Бог внял вере, высказанной новообращенной. Бог дал ей жизнь более истинную, более драгоценную, чем та, столь хрупкая, которую она получила от своих родителей. После миропомазания погасили свечу, слабый свет которой символизировал истину. А крестные родители – сестра герцога Бурбонского мадемуазель де Клермон и герцог де Мортемар оставили свои подписи в толстой книге,

И после этого, под торжественные звуки органа, которые совершенно зачаровали Елизавету, процессия двинулась по главному проходу собора к алтарю, где невесту французского монарха ждал его представитель – герцог Филипп Орлеанский. По его замкнутому и торжественному лицу никто бы не догадался, что молодой человек с радостью оказался бы в любом другом месте, не будь он первым принцем крови, которому король поручил сыграть в этом бракосочетании по доверенности одну из главных ролей. Он и о своем-то предстоящем браке старался не думать и даже не выразил желания хотя бы мельком увидеть собственную невесту.

Елизавета, выросшая, как она считала, при пышном дворе, вдруг поняла, что такое настоящая королевская роскошь и великолепие. Людовик прислал придворных, королевскую стражу, швейцарских гвардейцев во главе с полковником, а также множество фрейлин и при-

дворных дам. Под звуки большого органа и пение церковного хора будущая королева Франции приблизилась к алтарю и преклонила колени рядом с герцогом Орлеанским.

Окружающие не скрывали своего восхищения: русская принцесса оказалась хороша, как ангел, и похожа скорее на белокурую изящную испанку, нежели на дородную и краснощекую «московитку», которую ожидали увидеть. Платье необыкновенно шло Елизавете, оттенки нежный румянец и сияние огромных глаз, цвет которых менялся от голубого к зеленому.

Когда церемония подошла к концу и отгремели пушечные залпы, ошеломленная Елизавета все еще не могла поверить, что стала королевой Франции. Во время публичного обеда, устроенного в ее честь королевскими сановниками, Елизавета сидела во главе стола, сияя улыбкой и не имея сил проглотить хотя бы кусочек. А выпитый впервые ее жизни бокал доселе неведомого вина – шампанского, заставил ее раздурманиваться, развеселиться уже совершенно неподдельно и окончательно изгнал из прелестной и обворожительно головки все тревожные мысли о будущем.

Если «свадьба по доверенности» празднуется столь пышно, то какую же будет настоящая свадьба? На которой рядом с ней будет не этот замкнутый и неразговорчивый молодой человек, а сам король Людовик, писанный красавец и настоящий повелитель. Да, Наташку можно пожелать: с таким мужем жить – от скуки помереть недолго. Хотя она и сама не больно-то веселая.

Елизавете даже не пришло в голову, что поводов для веселья у принцессы Натальи совсем не было. Первая встреча ее с герцогом Орлеанским прошла холодно и натянуто, жених и невеста не знали, о чем говорить, а в довершение всего Филипп преподнес хмурой рыжеволосой девчужке... куклу. Правда, красивую и роскошно одетую, но все-таки куклу, откровенно намекая на малолетство. Она-то вручила своему нареченному великолепную шпагу, эфес которой переливался драгоценными камнями – один из военных трофеев государя Петра Алексеевича. Но в ответ получила только официальные и сухие слова благодарности.

Через два дня Елизавета с огромной свитой покинула гостеприимный Страсбург и отправилась в Фонтенбло, где ее уже ждал юный... супруг? Или все-таки пока еще жених? Неважно, ее ждал король – молодой и прекрасный, как в тех сказках, которые ей няньки на ночь сказывали. С устами сахарными, очами медовыми, речами нежными...

Но не успели тронуться в путь, как полил дождь. Сидя в королевской карете, Елизавета молча смотрела на поля и утопавшую в грязи дорогу и грустила, вспоминая оставленную родину. Правда, жители окрестных городков, несмотря на плохую погоду, выходили приветствовать королеву и бросали цветы под копыта ее коней. Похоже, люди искренне ей радовались, и, проезжая по стране, Елизавета щедро раздавала деньги. Ведь король лично прислал ей пятьдесят тысяч ливров, чтобы она могла одарить ими своих подданных.

А король ждал свою королеву, ждал, сгорая от нетерпения первую женщину в своей жизни. Кардинал Флери, воспитатель короля, отложил все дела и решил просветить Людовика в вопросах любви. Король был настолько целомудрен, что даже аббат Флери рядом с ним выглядел грешником.

Но воспитатель и опытный куртизан не собирался пасовать перед трудностями, хотя задачка оказалась не из легких. Для начала он поручил молодому художнику, мастерски изображавшему обнаженную натуру, нарисовать несколько «наглядных пособий». Но юный король бросил на них мимолетный взгляд и, осенив себя крестным знамением, решительно захлопнул папку с рисунками.

Пришлось пойти другим путем. Была отыскана обнаженная скульптура женщины, достаточно привлекательная, и аббат, поручив себя воле Божией, показал своему воспитаннику те места, которых следовало нежно касаться, когда на брачном ложе рядом с ним окажется русская принцесса, по слухам, столь же целомудренная и скромная, как и ее французский монарх.

«Господи, – думал Флери, – и зачем только я оберегал короля от всех мирских соблазнов? Его августейшие предки постигали науку любви в альковах придворных дам и ко дню свадьбы

были уже полностью готовы продолжить династию. А тут... Господи, вразуми и наставь этих детей на правильный путь, хотя это путь греховный...»

Сам Людовик был просто в смятении. С одной стороны, он понимал, что король должен вступить в брак и зачать хотя бы дофина. С другой стороны, любоваться портретом прекрасной чужестранной принцессы было приятно и романтично, тут же приходили мысли о том, как замечательно было бы скакать вместе с ней верхом под тенистыми каштанами или неспешно беседовать о чем-нибудь возвышенном у камина. Но лечь в одну постель, касаться чужого обнаженного тела... не слишком ли рано он вообще дал согласие на брак?

«Если принцесса мне не понравится до церемонии венчания, – пришла, наконец, спасительная мысль, – я и не коснусь ее совсем. Ведь я все-таки король! Да ведь действительно не я стоял с ней перед алтарем! Пусть становится супругой брата Филиппа, а его малолетнюю невесту мы отошлем обратно к родителям, как было с испанской инфантой».

К счастью, погода улучшилась, стало тепло и ясно, на небе даже появилась радуга. У дворца Фонтенбло, на том месте, где карета должна была остановиться, расстелили ковер. Под звуки скрипки Елизавета грациозно вышла из экипажа.

Людовик не верил свои глазам: к нему навстречу плыла воплощенная Принцесса Греза. Серебряное платье, послужившее подвенечным нарядом в Страсбурге, изящно облегло стройную фигуру, а пурпурная бархатная накидка, брошенная поверх платья, складками опускалась вниз, подчеркивая легкость походки. Из-под большой шляпы, украшенной белоснежными страусовыми перьями, на плечи падали густые светлые локоны, а прямо на Людовика глядели огромные сияющие глаза.

Юный король вдруг почувствовал, как по его телу пробежала какая-то странная дрожь. Таких красавиц просто не бывает! Таких описывают в романах и воспевают в стихах. Но такие маленькие, изящные ножки никогда не ступали по грешной земле!

И вот она уже рядом с ним и смотрит на него снизу вверх. Нет, ей не пришлось запрокидывать голову, принцесса была довольно высокой, но все-таки... все-таки даже на каблучках она была чуть ниже короля.

Но что это? Она, кажется, собирается опуститься на колени? Этого, по-видимому, требовал обычай, но Людовик стремительно поднял Елизавету:

– Добро пожаловать, моя прекрасная королева, – отчетливо произнес он.

– Сир, – пролепетала Елизавета, мигом позабыв все приготовленные фразы, – дорогой мой сир, отныне и навеки...

Она не смогла закончить – король поцеловал ее. Не в губы – в щеку, размягчившуюся от волнения, но и от этого невинного поцелуя по ее телу пробежала какая-то странная дрожь.

Почти минуту они стояли, молча глядя в глаза друг другу. Вот когда можно было бы с полным правом воскликнуть, что браки, даже королевские, заключаются на небесах. Ибо всем присутствующим при этой встрече почудилось, что вокруг двух юных и прекрасных существ засияло нечто неземное.

Любовь, может быть?

Потом они одновременно улыбнулись друг другу, Людовик подал Елизавете руку и торжественно повел ее во дворец. А скрипки продолжали играть дивные мелодии, вызывая слезы на глазах окружающих. Светлые, радостные слезы. При французском дворе уже успели основательно забыть, что такое счастье.

На следующий день в Часовне Троицы замка Фонтенбло состоялось второе бракосочетание. Оно было пышнее, чем первое. На церемонии присутствовали все знатные вельможи королевства; драгоценные камни сверкали на их парадных одеждах. Часовню украшали драпировки с вышитыми на них золотыми королевскими лилиями. Торжественно гудел орган, в воздухе плыли ароматы благовоний, смешавшиеся с запахом тысяч роз, которыми была буквально усыпана часовня.

По лестнице, с обеих сторон которой выстроились швейцарские гвардейцы, из галереи Франциска I торжественно шествовала пышная процессия во главе с королем. В день своей свадьбы Людовик был необыкновенно хорош и очень похож на своего легендарного прадеда в расцвете молодости и красоты. Правда, не осталось уже никого, кто помнил бы день свадьбы Короля-Солнца, но многочисленные портреты в королевских дворцах сохранили этот образ.

А его правнук, юный король, был одет в кафтан из серебряной парчи, а накинутую поверх этого мантию украшали бесценные испанские золотые кружева. На шляпе с белыми перьями сиял знаменитый бриллиант «Санси».

Вслед за королем и его свитой спустилась вторая процессия – королевы, одетой в сказочной красоты платье фиолетового бархата, опушенное горностаем и украшенное россыпью драгоценных камней. На пышных, отливающих червонным золотом волосах Елизаветы сияла корона – настоящий шедевр из бриллиантов, увенчанный двойной королевской лилией. Длинный шлейф пурпурного бархата за королевой несли самые знатные дамы французского двора.

У алтаря молодоженов ждал кардинал де Роан, который прекрасно провел церемонию в Фонтенбло, как сделал это и прежде, в Страсбурге. А потом кардинал произнес речь, где говорилось о величии любимого короля, о славе его предков и о благе только что заключенного союза для обеих великих держав.

В этот момент новобрачная, слегка покачнувшись, и опытные придворные дамы поняли, что это юное создание вот-вот потеряет сознание от усталости. Чуть заметный знак кардиналу – и вот уже вместо выпренной речи в часовне ликующе и мощно запел орган. Под его аккомпанемент король, застенчиво улыбаясь, повел свою супругу в парадные покои дворца.

Елизавета изо всех сил старалась скрыть свое изумление и восхищение перед роскошью королевского дворца: в конце концов, она принцесса, дочь императора, невместно ей чему-то изумляться. Чай, не в курной избе выросла, а тоже во дворце...

Она вдруг воочию увидела перед собой этот дворец. Двухэтажное кирпичное здание с четырехскатной железной крышей увенчано медным флюгером в виде Георгия Победоносца, поражающего копьём змия. Да, пожалуй, ее родной дом целиком поместился бы в том величественном зале, где начинался сейчас свадебный пир.

Новобрачные сидели рядом, украдкой бросая друг на друга восторженные взгляды. Придворные умилялись: два белокурых ангела в серебряных одеяниях. Воистину, Господь благословил этот союз!

В середине пиршества Елизавета, вообще-то не страдавшая отсутствием аппетита, еле притрагивалась к лакомым блюдам, которые ставили перед нею лакеи. Людовик же, основательно проголодавшийся, напротив, воздавал должное каждому кушанью. Не забывал и о вине, но, по природе своей умеренный, только отпивал время от времени глоток из золотого бокала, делая при этом полупоклон в сторону супруги. Та отвечала тем же, но лишь смачивала губы в вине...

Сидевшая неподалеку от новобрачных княжна Кантемир наблюдала за Елизаветой со сдержанной усмешкой. Быстро усваивает Лизонька европейский политес, чувствует, что здесь – не ассамблея ее батюшки, где не вино, а водку пили, да не бокалами, а кубками. А новая французская королева ведет себя будто чопорная испанская инфанта: отщипнула кусочек фазаньей грудки, взяла с блюда виноградину, а вино точно впервые в жизни распробовала...

– Вы ничего не едите, принцесса, – услышала она внезапно голос своего соседа. – Вам не нравится наша кухня?

Мария обернулась на голос: она и забыла, что в знак уважения к ее высокому происхождению ее посадили рядом с Филиппом Орлеанским, королевским кузеном и женихом прин-

цессы Натальи. Та, кстати, с кислым видом сидела с другой стороны от герцога, но тот не обращал ни малейшего внимания на свою невесту.

– Что вы, ваше высочество, очень нравится. Но я залюбовалась на наших оборотистых новобрачных...

– Я вас понимаю. Какой дивный цветок вы привезли к нам из российских сугробов!

– Ну почему же из сугробов, ваше высочество? У нас бывает жаркое лето, когда травы в лугах вырастают по пояс человеку, а от аромата полевых цветов кружится голова. И осенью у нас красиво и совсем не холодно...

– Вы обязательно должны рассказать мне побольше о России, принцесса, – отозвался герцог и тут же попытался исправить могущую возникнуть неловкость, – ведь и мне предстоит вступить в брак с дочерью этой страны.

– Тогда вам лучше побеседовать о России с вашей невестой, – прохладно улыбнулась Мария. – К тому же я не русская, а молдавская принцесса. А Натали очень умна, не по годам развита...

Герцог прикусил губу от досады, но прозрачный намек понял и обратился к своей нареченной с каким-то вымученным комплиментом. Та ответила ему на безукоризненном французском, да еще ввернула подходящую к случаю латинскую цитату. Герцог сначала изумленно взглянул на Наталью, потом – вопросительно – на Марию.

– Вот видите, ваше высочество, – улыбнулась та. – Принцесса Натали умеет поддержать разговор, советую вам не пренебрегать этой возможностью.

В этот момент на том конце стола, где сидели новобрачные, поднялся какой-то шумок. Мария взглянула: перед Елизаветой на коленях стоял герцог де Мортемар, протягивая ей обтянутую бархатом с золотым узором шкатулку, а перед Людовиком в глубоком реверансе присела княгиня Голицына, тоже с драгоценной шкатулкой в руках. Свадебные подарки молодоженов друг другу.

Елизавета не удержалась и ахнула:

– Ах, какая красота! Благодарю вас, дорогой сир.

Но сам Людовик буквально лишился дара речи от того блеска, которым ослепила его свадебная шкатулка русских. Хотя внука короля-Солнца трудно было удивить драгоценностями, трофеи южных походов Петра превосходили пределы человеческого воображения.

Людовик в самом искреннем порыве благодарности крепко сжал руку молодой супруги. Он чувствовал себя не просто королем, а сказочным королем, которому поднесли сокровища из пещеры «Тысячи и одной ночи». А его прекрасная юная супруга неподдельно радовалась произведениям итальянских и испанских ювелиров, которыми до сих пор ей не часто доводилось любоваться. Ах, как хорошо, оказывается, быть женатым!

Жаль только, что этот пир продлится еще Бог знает сколько времени, а потом, по разработанному церемониалу свадебных торжеств нужно будет идти... смотреть комедию Мольера! Вот уж не вовремя! А После спектакля будет ужин, а когда совсем стемнеет, начнется фейерверк... Когда же, наконец, они смогут остаться наедине друг с другом?!

Елизавета же, наоборот, радовалась про себя, что спектакль и фейерверк отдалают неизбежную минуту, которой она боялась. К тому же она впервые в жизни видела французский театр, реагировала на все с детской живостью и непосредственностью, звонко смеялась и хлопала в ладоши. Придворные даже растерялись: это признак душевной чистоты юной королевы или именно так принято себя вести у русских?

Но к моменту начала фейерверка, зрелища для нее привычного, Елизавета вдруг почувствовала, что устала, что парчовой платье просто давит на плечи и что она с нетерпением ждет, когда же ее, наконец, оставят одну. То есть не одну, конечно, но...

Дрожащую от усталости и робости, ее ввели в комнату, которую она первоначально приняла за еще одну парадную залу. Но это была всего лишь спальня королевы. Стены были обиты

пестрой узорчатой тканью, простенки и потолок – щедро позолоченной лепниной. Воистину королевское ложе под огромным балдахином стояло изголовьем к стене за низенькой позолоченной оградой. Бесчисленные диванчики, кресла, пуфики, обитые той же тканью, что и стены. Огромное зеркало с подзеркальником и... растопленный камин.

– Его величество приказали растопить камин специально для вас, мадам, – прошептала одна из придворных, сопровождавших Елизавету. – Это знак особого расположения, в Версале начинают топить камин только в ноябре.

Но к камину ей подойти не дали – увлекли в соседнюю, чуть меньшую по размерам комнату, где Елизавета надеялась увидеть лохань с горячей водой. После длительного путешествия, после тяжелых парчовых платьев ей так хотелось как следует помыться. В баньку бы сейчас, чтобы Наташка Лопухина по ней веничком прошлась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.